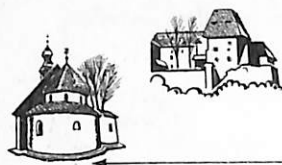
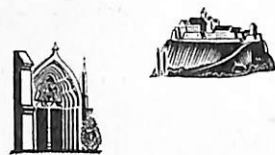

1. Село Ужок.
Михайловская церковь.
1745 г.
2. Село Черногорола.
Николаевская церковь.
1794 г.

3. Ужгородский замок
4. Горьянская ротонда.
XII—XIII вв.

5. Мукачевский замок
6. Южный портал
берегового собора.
XVI в.

7. Виноградово. Дворец.
XIV в.
8. Село Стебливка.
Церковь Рождества. 1780 г.

9. Ясиня. Струковская
церковь. XVIII в.
10. Гуцульские народные
деревянные изделия

11. Село Канора.
Церковь Покрова. XVIII в.
12. Охотничий замок конца
XIX в., Санаторий
«Карпаты»

72С1
П57

В ГОРАХ И ДОЛИНАХ ЗАКАРПАТЬЯ

И И ПОП.

Д И ПОП

8-1-2
240-71

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИСКУССТВО»

МОСКВА

1971

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	7
1. От Ужжа до Ужгорода	10
Памятники бойковского деревянного зодчества XVII—XVIII веков. Михайловская церковь в Ужке (12). Николаевская церковь в Гусном (13). Вышивка Бойковщины (15). Предтеченская церковь в Сухом (18). Михайловская церковь в Вышке (19). Церковь Покрова в Кострино (20). Васильевская церковь в Соли в стиле барокко (22). Николаевская церковь в Черноголове в стиле барокко (23). Невицкий замок (24). Ужгород и его архитектурные памятники. Ужгородский замок (28). Постройки в стиле конструктивизма, «Народная рада» (35). Горянская ротонда (36). Фрески Горянской ротонды (39). Середнянский замок (41).	
2. От Мукачева до Королева	42
Мукачевский замок (42). Князь Федор Кориатович в Мукачево (43). Замок во владении князей Трансильвании (43). «Pro patria et libertate» (48). Мукачево (53). Ратуша (53). «Белый дом» (54). Шелестовская деревянная церковь XVIII века (54). Мукачевский монастырь (56). Берегово (58). Береговский собор XIII—	

XV вв. (60). «Графский двор», «Львиный двор» (62). Готический костел в Змиивке XIV в. (63). Готические костелы XIV в. в Мужиеве (64). Боржавский замок (66). Костел XIV в. в Доброселье (66). Квасовский замок (69). Готический храм XV в. и деревянная колокольня XVIII в. в Четове (71). Виноградово (71). Вознесенский костел XIV в. в Виноградове (72). Дворец Перени (74). Виноградовский замок (76). Королевский замок (78). Готический костел XIV—XV вв. в Чернотисове (79). Успенская церковь в Новоселице (80).

3. Хуст	83
Народный костюм и вышивка Марамороша (84). Керамика (85). Елизаветинский укрепленный костел XIII—XIV веков в Хусте (87). Хустский замок (88). Замок во владении трансильванских князей (91). «Ракоцы через изменников фортецию Густ взял» (95). Гроза 3 июля 1766 года и гибель замка (96).	

4. Памятники Марамороша	99
Мараморошская деревянная готика XVII—XVIII веков. Храм Рождества в Стеблывке (100). Николаевская церковь в Сокирнице (103). Михайловская церковь в Крайникове	

- (103). Николаевская церковь в Данилове
 (104). Церковь Параскевы в Александровке
 (105). Николаевская церковь в Колодном
 (106). Николаевские храмы XVII века
 в Среднем Водяном (109).
5. Закарпатская Гуцульщина _____ 111
 Одежда, вышивка и резьба по дереву
 гуцулов Закарпатья (111). Успенская
 церковь XVIII века в Диловом (114).
 Ясиня. Струковская деревянная церковь
 XVIII века (116). Церковь «на Плитоватом»
 (119). Гуцульская «гражда» (119).
6. На Верховине _____ 121
 Колочава — родина последнего опришкы
 Карпат Николя Шугая (121). Михайловский
 готический деревянный храм XVIII века
 в Нэгровце (122). Николаевский деревянный
 храм XVIII века в Майдане (123). Храмовый
 ансамбль в Прислопе (125). «Закарпатская
 мадонна» из церкви в Изках (126).
 Рождественская церковь XVIII века
 в Пилипце (128). Бойковский деревянный
 Николаевский храм XIX века в Верхнем
 Студеном (129). Покровская церковь XVIII
 века лемковского типа в Каноре (131).
 Замок Шенборна (132). Замок XIV века
 в Чинадиево (132).
- Библиография _____ 134

От авторов

Это книга о путешествии в краю зеленых гор и заоблачных горных лугов, полонин, узких долин и бескрайней равнины, о самом западном уголке нашей родины — Закарпатье. Здесь, на небольшой территории в Карпатах, между Ужокским и Яблонецким перевалами и в прилегающей части Дунайской низменности, мы найдем столь много интересного, что путешествие покажется нам чем-то сказочным, уносящим нас в даль веков...

Закарпатье — самая молодая область СССР, вошедшая в его состав в 1945 году. Трудны ее исторические судьбы. Расположенная на перекрестке путей с северо-востока, из Галиции, на юг, в Дунайскую низменность, и с юго-востока, Буковины и Молдавии, на запад, она была как бы переходной территорией для многих племен и народов. Здесь были скифы и кельты, даки и вандалы, гунны и гепиды.

В VI веке в Закарпатье появляются земледельческие славянские племена белых хорват. С тех пор никакие бури нашествий различных кочевых племен, никакие опустошительные войны не могли изменить славянского характера этого уголка под Карпатами. Почти тысячелетие Закарпатье находилось под властью венгерских королей и австрийских императоров, но никогда не забывали закарпатские украинцы своего родства с братьями по ту сторону Карпат. Поэтому в октябре 1944 года Советскую Армию они встречали как свою долгожданную освободительницу, открывшую новую эру в истории края.

В течение веков завоеватели оттесняли коренное население Закарпатья с плодородных равнин в карпатские горы, и именно они, их леса, стали кладовой культуры закарпатских украинцев. Не удивительно, что многие писатели, этнографы, фольклористы, в том числе Иван Франко, Владимир Гнатюк, Иван Паныкевич, Петр Богатырев, искали и находили здесь следы глубокой древности в народных обычаях, верованиях, преданиях, одежде и зодчестве. Карпаты всегда были источником творческого вдохновения многих мастеров пера, кисти и резца. Карпатская народная мифология вызвала к жизни самое лирическое произведение украинского писателя Коцюбинского — «Тени забытых предков», а последний карпатский опришко (разбойник) стал центральным героем широко известного романа чешского писателя Ивана Ольбрахта «Никола Шугай, разбойник». Серии граверов о деревянном зодчестве Закарпатья украинца Касияна, словака Бенки, чехов Рейхрта, Ржержихи, Фиалы и многих других отразили многогранную и неисчерпаемую красоту Карпат, красоту творений народных зодчих Закарпатья.

Маршрут нашего путешествия начинается от Ужокского перевала и тянется долиной реки Уж, зажатой горными хребтами, на косогорах и кручах, в пропастях и ущельях которых стоят дремучие леса. В этих горах господствует деревянное народное зодчество, которое является гордостью украинского народа. На протяжении столетий вся жизнь закарпатского украинца была связана с лесом, деревом. Поэтому не удивительно и появление этих сказочных деревянных храмов, светящихся серебром гонта в мареве жаркого летнего дня меж густого ельника или развесистых крон лиственного леса.

У выхода из Ужанской долины мы встречаемся с романтическими руинами Невицкого замка, которые встают перед нами как воплощение тайны средневековья. Отсюда наш маршрут идет по западной части Закарпатья, которая принадлежит уже Дунайской равнине, окаймленной на горизонте отрогами Карпатских гор. На некоторых их вершинах, у древних торговых путей, возвышаются величественные замки феодальной эпохи: Ужгородский, Середнянский, Мукачевский, Квасовский, Виноградский, Королевский, Хустский. В селах этой части Закарпатья мы встречаемся также с интересными памятниками каменного культового зодчества, прежде всего с Горянской ротондой XII—XIII веков и ее фресками, а также с небольшими однефными готическими хра-

мами XIV—XV веков. Минувяв Виноградово, наш маршрут проходит долиной Тисы, по горам Марамороша, а там, дальше — Закарпатская Гуцульщина, Верховина. В этом районе перед глазами путешественника возникает богатая мозаика форм народного искусства Закарпатья — вышивка, керамика, искусство резьбы по дереву и прежде всего — оригинальные памятники народного зодчества.

Но знакомство с художественными памятниками Закарпатья затруднено тем, что до сих пор нет удовлетворительного их описания. Книги об архитектуре и народном искусстве этого края давно стали библиографической редкостью, а отдельные статьи, рассеянные в австрийских, венгерских, словацких, украинских и чешских изданиях, практически недоступны широкому читателю. Мы попытаемся восполнить этот пробел и рассказать читателям о том, что нам удалось отыскать в забытых изданиях, увидеть во время нашего путешествия в горах и долинах Закарпатья.

1. От Ужжа до Ужгорода

В том краю, где холм на холме и ущелье в ущелье, где в тлеющем сумраке дремучих лесов рождаются источники и умирают древние клены, до сих пор есть такие заколдованные места, из которых никогда не удавалось выбраться ни оленю, ни медведю, ни человеку.

Иван Ольбрахт,
Никола Шугай, разбойник

Наше путешествие начинается на северо-западе Закарпатья у высокогорного Ужжского перевала, который помнит стук конских копыт и скрип повозок кочевников, тяжелую поступь военных отрядов венгерских феодалов, агрессивно настроенных в отношении Галицкой Руси, гул битв первой и второй мировых войн. В ущельях перевала начинает свой бег речка Уж, пенящаяся и бурлящая в своем каменном ложе, изумрудно-прозрачная в глубоких местах. Горы, взявшие в тиски узкую полоску ее долины, изрезаны расщелинами. Как серебряные нити, устремляются вниз ручьи бесчисленных родников, а водопады низвергаются, как будто падают с небес.

Эти горы издревле населяет гордое украинское племя бойков. В незапамятные времена, уходя все дальше в горы, спасаясь от гнета феодалов, они заселяли самый неприступный уголок в Карпатах. Бойки вплоть до наших дней сохранили свои древние обычаи, народное искусство, удивительное народное зодчество. «На Бойковщине... деревянное зодчество достигло своего наиболее пышного расцвета и здесь-то создались те изумительные храмы-сказки, которые можно сравнить разве лишь с их северными братьями — храмами-богатырями русского севера», — писал в свое время И. Э. Грабарь.

Лесные богатства Закарпатья уже в ранний период его истории стали основой деревянного зодчества. Уже тогда была разработана различная техника строительства и некоторые связанные с ней формы построек. О существовании их в области Карпат говорят рельефы на

колонне императора Траяна в Риме (II век н. э.), поставленной в честь победы римского полководца над даками, населявшими в то время Карпаты. На некоторых рельефах видна конструкция из горизонтально сложенных бревен. Покрытие построек напоминает гонт. Интересно также форма башни, которая как бы является прототипом деревянной колокольни с пирамидальной крышей, столь часто и поныне встречающейся в Карпатах. Возле башни виден стог сена, уложенный так же, как его укладывают и сегодня на Закарпатской Верховине, — на еловые стволы с короткими ветками. Поэтому именно здесь, в Карпатах, можно представить себе Древнюю Русь, которая нам грезится при чтении древних летописей...

Основные принципы техники деревянного строительства в Карпатах были выработаны до появления культовых христианских построек, о чем свидетельствует в первую очередь жилище на Бойковщине, идеально приспособленное к природным условиям края. Оригинален его внешний образ: высокая крыша, широкая галерея вдоль всего здания со столбиками искусной резьбы, небольшие окна, массивная дверь с орнаментальными украшениями. Во всем этом чувствуется сила духа покорителя неприветливых, труднодоступных горных громад. Но все же в строительстве жилища творчество зодчего было ограничено скромностью запросов горца, зато все его умение, вся творческая мысль нашли наибольшее проявление в культовых постройках. Здесь закарпатские строители создали такие шедевры плотницкого мастерства, выработали такие образцы своеобразной красоты, что они поневоле захватывают всякого, кто их впервые увидит.

Памятники бойковского зодчества отвечают самым строгим нормам искусства, законам композиции, ритма, пропорций. В них нашла наибольшее развитие мысль украинских народных зодчих, которые уже в XVI веке создали храмы, где по-новому было раскрыто внутреннее пространство в высоту при помощи «залома», уступа на крыше. На протяжении сотен лет этот тип построек был доведен до идеальной гармонии. Оригинальная комбинация наклонных и вертикальных частей шатра бойковской деревянной церкви делает ее похожей на буддийскую пагоду. Над всем зданием доминирует центральный верх, он выше и массивнее двух боковых, расположенных на одной с ним линии в направлении с запада на восток. Боковые шатры хоть и не полностью симмет-

ричны, но всегда удерживают равновесие. Общий образ здания завершает галерея-опасанье, идущая вокруг всей церкви в виде простого открытого навеса, защищающая нижнюю часть здания от дождя. В то же время непрерывная линия широкого ската опасанья как бы объединяет все три сруба постройки, придавая ей особую цельность и единство.

Бойковские церкви, как правило, миниатюрны, в них преобладает живописное начало над монументальным, что, возможно, и придает им особое обаяние и прелесть. Они поражают своей необыкновенной жизнерадостностью, пластичностью, тонким пониманием материала (дерева). А потому многоярусные храмы Бойковщины воспринимаются как живое существо, в вечном росте — то быстром, неудержимом движении ввысь расслаивающихся верхов, то плавном восхождении. Они словно вырастают из холмов и кажутся их естественным продолжением, сливаясь в единое целое с окружающим пространством. «Поэтому я до сих пор не могу поверить, что их кто-то построил. Я не могу избавиться от мысли, что они возникли здесь сами, что они здесь сами по себе выросли, как вырастают деревья», — пишет о них кинорежиссер Войтех Андрианский. Громады гор, покрытых плотным ковром лесов, стройность елей, окружающих храм, — все это гармонически сочетается с совершенной четкостью чистоты линий архитектурных форм бойковской церкви.

Недалеко от перевала, там, где берет свое начало речка Уж, растянулось вдоль шоссе старинное бойковское село Ужок. Оно первым встречает нас на Закарпатье. Не доезжая массивной арки железнодорожного виадука, которая возвышается над селом, соединяя склоны узкой долины, мы увидим на живописном уступе горы прекрасную постройку — деревянную Михайловскую церковь, возведенную в 1745 году мастером Павлом из Бутли, соседнего села на галицкой стороне Ужокского перевала.

Внешне Михайловская церковь села Ужок проста и неприхотлива. Храм лишен каких бы то ни было резко бросающихся в глаза наружных украшений, затейливых подробностей — он строен и изящен. Силуэт Михайловского храма чрезвычайно живописен, выразительного рисунка, с явным преобладанием горизонтального членения верхов. Широкий скат опасанья, охватывая все здание, придает ему компактный вид и вместе с тем создает органический переход от окружающей среды к основным массам храма, которые вырастают над галереей.

Село Ужок. Михайловская церковь. 1745 г.

В интерьере Михайловской церкви мастер использовал контраст света и тени. Попадая из темного бабинца (помещения для женщин) в торжественную, нарядную, освещенную центральную часть храма, вошедший воспринимает это пространство гораздо большим, чем оно есть в действительности. Этот эффект несомненно усиливает талантливые народные зодчие. Впечатление усиливает красивый резной иконостас, играющий позолотой в солнечных лучах, проникающих сюда через окна верха.

В центре Ужжа мы сворачиваем на дорогу, ведущую сквозь ущелье в село Гусный, что в четырех километрах от шоссе. Каменистая дорога, справа над которой нависает скала, а слева внизу шумит ручей, все время поднимается вверх. Мы удаляемся от шоссе и железной дороги и попадаем в зеленое царство вековых буков, мрачных гор и первозданной тишины.

В Гусном сохранился бойковский трехверхий деревянный храм, построенный в 1655 году. Это постройка га-

*Вышивка женских сорочек
на Бойковщине*

лицкого типа, в ее композиции господствует монументальных форм центральный восьмиугольный верх. Поэтому на первый взгляд церковь кажется тяжеловатой. Только обойдя вокруг постройки и избрав удобную точку обозрения, начинаешь понимать, что эти своеобразные формы симметричны и красивы.

Церковь расположена на уступе высокой горы, и создается впечатление, что вся постройка как бы скользит вниз на пышном ковре верховинских трав. Трудно удержаться от желания подняться вверх по этому ковру на гору. С вершины ее открывается необозримая картина волнами вздымающихся горных хребтов. А там, где уже кончаются леса, растянулись вблизи плывущих облаков зеленые пространства полонин. Где-то глубоко внизу лежит долина с домами, людьми, реками, бегущими вдаль, на равнину. Но нам отсюда кажется, что весь этот мир не существует, он выдуман и живет только в наших представлениях. А вокруг простирается только безбрежное

*Вышивка наплечников
женских сорочек
на Бойковщине*

море горных склонов, зеленых пастбищ и пестрых лугов... Порывистый ветер доносит до нас влажное дыхание огромной черной тучи, что зацепилась за вершину южного хребта и спускает свои мокрые пряди вдоль склонов гор. Первые тяжелые капли заставляют нас поспешно спуститься вниз, к церкви.

...По широкому скату опасанья барабанит дождь, в горах весьма частый гость, ниже журчит по камням ручей, и его звуки как бы сливаются с нежным перезвоном колокольчиков коров и овец, пасущихся тут же, на склонах горы. Эти звуки заполняют все пространство и придают ему особую, неповторимую окраску.

Интересен этот уголок Закарпатья не только своим зодчеством, но и другими видами народного творчества, в особенности вышивкой. В селах, затерянных среди высоких гор, до сих пор сохраняется оригинальный народный костюм, украшенный верховинской вышивкой. Очаровательная в своей красоте, неповторимая в рисунке и

цвете, она захватывает нас выразительностью, гармонией и самобытностью узоров. В наше время даже в самых отдаленных уголках национальный костюм исчезает, уступая одежде фабричного производства. В этом отношении Бойковщина наряду с Гуцульщиной представляет большой интерес, ибо здесь национальный костюм — это повседневное явление, костюм каждого дня. Наиболее интересен в этом районе женский национальный костюм. Он состоит из сорочки, юбки, «лайбика» (безрукавки) и передника. Замужняя женщина, кроме того, носит два платка: одним платком она плотно прикрывает лоб и концы его завязывает сзади, а другой носит, как обычно, связывая концы под подбородком. Девушка же всегда носит один платок или ходит простоволосая. Села отличаются цветом платка — в одних носят только красные, как верхние, так и нижние, в других нижние черного цвета, а верхние красного или наоборот, а иногда оба черного цвета или цветные. Сохранился в этом районе и своеобразный головной убор, имеющий обрядовый характер. Это круглая шапочка с прикрепленными к ней сзади двумя широкими лентами. Шапочка надевается лишь дважды в жизни: первый раз во время венчания, а второй — на умершего.

Вышивка Бойковщины скомпонована просто, но выразительно. В центре — широкая полоса основного мотива орнамента, рядом ее замыкают «цепи», за которыми расположены симметричные зубчатые окончания. Чаще всего в бойковской вышивке выступает ломаная линия — «крывуля», которая образует большое количество узоров. Вышивки делаются на наплечниках в виде неширокой орнаментальной полосы, на обшлагах, плотно облегающих запястья, и на нагруднике. Особый интерес представляют вышитые нагрудники. Здесь все шитье делается без канвы, по естественному плетению ткани, которая собирается в мелкое и твердое плиссе. Вышивка здесь достигает особой рельефности и очень эффектна.

Вышивка Бойковщины, под стать этому суровому краю, отличается исключительной сдержанностью в тоне и геометрической строгостью старинных мотивов. В самых отдаленных высокогорных бойковских селах вышивки одноцветны, они выполняются черной или темно-коричневой ниткой. На первое место у таких вышивок выступает четкий рисунок, простота и композиционная ясность. Такая вышивка всегда восхищает благородством оттенков и разнообразием, согрета творческим чувством, хотя и повторяет подчас известные образцы. Такое по-

Село Сухой. Предтеченская церковь. 1769 г. Рисунок В. Сичинского

вторение не исключает известной свободы выполнения. Верховинская женщина, в сотый и тысячный раз повторяет узор, все же, как истый художник, отчасти импровизирует. Каждый раз то же самое, но чуть-чуть по-иному — здесь лишний завиток, там двойной ряд «крестиков», утолщение или сужение полосок по краю орнамента. Потому из сотни образцов вышивки невозможно найти двух пар совсем одинаковых «наплечников». В работе верховинской вышивальщицы всегда ощущается живая фантазия творца. В этом обаяние вышивки Закарпатской Верховины, совмещающих коллективный опыт с неповторимостью оригинальных произведений.

Колоритную картину представляют группы празднично одетых бойков в летний солнечный день. Яркими пятнами горят красные, белые платки, полихромные вышивки, сорочек на фоне изумрудной зелени склонов гор. От Гусного возвращаемся на шоссе и через несколько километров, в селе Волосянка, сворачиваем влево на гор-

ную дорогу, которая ведет в село Сухой. Кажется, горы со всех сторон надвигаются на вас, вы вступаете в долину, которая манит раскрывающимся впереди простором, но горы тут же смыкаются за вами. Пройдя три километра по этому природному коридору, мы попадаем в село Сухой. Здесь находится деревянная Предтеченская церковь, построенная в 1769 году. Расположенная немного поодаль от хат, она почти невидима из-за густых крон могучих деревьев, которые ее окружают.

Этот храм волнует особым уютом, редкостной неприятельностью. По своим пропорциям он отличается от церковных построек в Ужке и Гусном. В Предтеченской церкви в Сухом башня над бабинцем выше центрального верха. Она была превращена в колокольню, но пропорций, присущих бойковскому храму, существенно не нарушает. Два декоративных карниза на четверике повторяют рисунок силуэта остальных трехъярусных верхов и тем самым скрадывают формы, чуждые бойковскому зодчеству.

В интерьере церкви в Сухом привлекают внимание своим наивным реализмом, искренностью художественного выражения, своей бесхитростной повествовательной формой иконы «Распятие» 1678 года Ивана Вышенского и «Жертвоприношение Авраама» 1679 года Ивана Щирецкого. Они относятся к народному направлению украинской иконописи, которое возникло в период национального подъема XVI—XVII веков, когда каждый иконописец, даже в самом дальнем захолустье, стремился наполнить свои произведения гражданским пафосом. Иконы этого направления теряют чисто церковный характер, обнаруживая интерес и внимание к человеку. Щирецкий вводит в композицию иконы близкий ему карпатский пейзаж, Авраам же в его произведении изображен не в обычном библейском одеянии, а в узорчатом украинском кафтане того времени и шароварах, заправленных в сапоги. Вся трогательная простота выражения чувств и в то же время наивная значительность каждого образа говорят о глубоко народном характере этой живописи.

Недалеко от Волосянки дорога отклоняется от речки и резко поднимается вверх, проходя высоко над селом Жорнава. Здесь мы проезжаем живописные места, ставшие в 20-е и 30-е годы «Барбизоном» закарпатской школы живописи. Нет, наверное, ни одного художника этой школы, который бы не писал в окрестностях Ставного, Жорнавы. Особенно хороши эти места в сентябре —

октябре, во время «бабьего лета», когда серебристые нити паутины пролетают над притихшими, пылающими червонным золотом буками окрестных дремучих лесов. В это время кажется, что даже вечно шумящий Уж замедлил свой неустанный бег, боясь вспугнуть эту прощальную красоту Карпат...

От Жорнавы шоссе, как бы раздвигая узкую долину, то пересекая Уж, то мчась рядом с ним, петляя среди высоких гор, ведет нас все дальше на юго-запад. Через полтора десятка километров не доезжая до села Кострино, у железнодорожного моста сворачиваем в долину реки Вышки. Она совсем неприметна, но красива своими порогами и небольшими водопадами. С северо-востока, вдаваясь над ее долиной, вздымается полонина Ровная. Она привлекательна в любое время года, но особенно красива летом. Ей посвящены патетические строки неизвестного закарпатского летописца XVII—XVIII веков: «Полонины исполнены в летнюю пору услудой для человека, овец и скота: там различные цветы восхищают взор и запах их приятно возбуждает обоняние; там пастухи перегонают с места на место стада скота, услаждающего слух мелодичным перезвоном колокольчиков; там земля предоставляет всем зеленую постель, и дерево бросает густую тень, и птица сладостно поет ко сну; там ветерок бодряще освежает сердце и члены человека, а скалы сдерживают течение холодной и возбуждающей голлод воды; отсюда глаз в одно и то же мгновение видит области королевств Галиции и Венгрии».

В этой долине, на склонах горного хребта, расположено село Вышка. В центре его стоит живописный трехверхий бойковский Михайловский храм, построенный во второй половине XVIII века. Судя по его архитектурным формам, он был возведен теми же мастерами, что и храм в Сухом, или по крайней мере последний был для них образцом. Такие повторения или заимствования вполне естественны в народном зодчестве, поскольку формы его всегда находятся под строгим критическим взором коллектива, с трудом принимающего какие-либо отклонения от принятых норм. Но, несмотря на всю кажущуюся простоту конструкции, народные зодчие в каждую новую постройку стремились внести что-то особое, потому мы не найдем на Бойковщине, как и в Карпатах вообще, двух абсолютно одинаковых деревянных памятников.

Особую нарядность Михайловской церкви в Вышке придает обшивка стен и крыши гонтом разного фасона.

Укладка его на стенах «елочкой» создает такое густое и богатое кружево, что строителю нет необходимости украшать отдельные детали постройки резьбой, она все равно терялась бы в серебристом трепете гонта.

Многоступенчатые верхи бойковских церквей внутри не перекрыты, но освещены только в нижнем ярусе, и потому если посмотреть снизу вверх, то они кажутся бездонными.

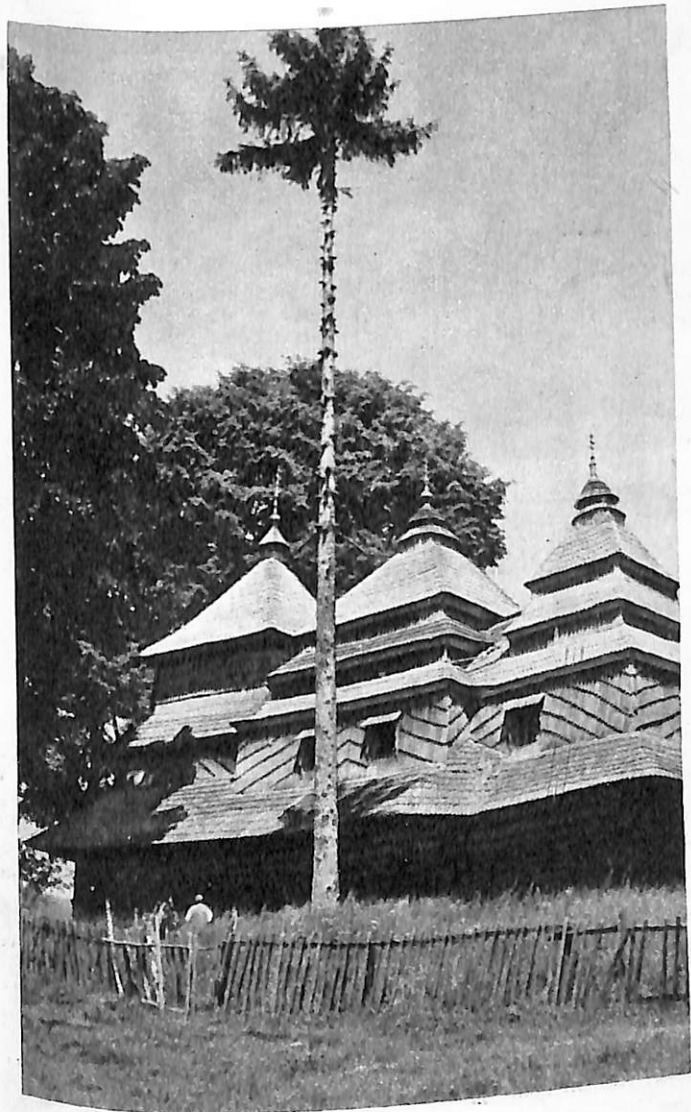
Солнечные лучи, проникающие в нее через небольшие прорези окон, играют на золоте иконостаса, внезапно выхватывая из полутьмы лики святых, еще больше подчеркивая тени в бабинце, придавая интерьеру храма какую-то особую таинственность.

Из Вышки вновь возвращаемся на шоссе и следующую остановку делаем в Кострине. В центре села, на пригорке, поблескивает чешуей гонта оригинальный памятник бойковского деревянного зодчества — храм Покрова, возведенный в 1761 году. Поднимаемся по тропинке на ус-

*Село Вышка.
Михайловская
церковь. XVIII в.*

туп холма, что возвышается за церковью, и перед нами открывается картина столь внезапная, захватывающая, что мы долго не в силах оторвать от нее своего взгляда. Отсюда весь храм как на ладони: живописные пирамидальные крыши его верхов вырастают на фоне прекрасной декорации — крутых склонов горного хребта с темными пятнами лесов и проталинами пастбищ. Внизу змейкой вьется вспененный Уж, а рядом с ним вдаль бежит лента шоссе.

Церковь Покрова в Кострине представляет большой интерес как переходный тип от бойковского к лемковскому зодчеству. Особенностью лемковского зодчества является весьма своеобразная динамическая композиция объемов, постепенно нарастающих от небольшого алтаря через центральный многозальный верх к высокой, стремительно взлетающей ввысь башне-звоннице западного типа. В храме в Кострине эта тенденция еще только намечена, и строители его все еще сохраняют в коло-

*Село Кострино. Церковь
Покрова. 1761 г.*

кольные форму шатровых верхов бойковских храмов. Строгий геометризм архитектурных форм, наблюдательная галерея колокольни сближают ее с деревянным оборонительным зодчеством.

Несколько километров по шоссе отделяют Кострино от села Соль. Но сохранившийся здесь деревянный храм приобретает иные, чуждые бойковскому типу формы. Васильевская церковь, построенная, по всей вероятности, в начале XVIII века, в 1834 году подверглась значительной перестройке, в результате которой второй ярус шатра алтарной части и нефа был покрыт сплошной двускатной крышей, а над бабинцем возведена барочная колокольня, формы которой полностью заимствованы из каменного зодчества. Но в интерьере храма сохраняется принцип трех пространств. Вследствие такой механической перестройки этот памятник потерял пропорции бойковского храма, выработанные на протяжении столетий, формы его стали тяжеловесными.

*Село Соль. Васильевская
церковь. XVIII—XIX вв.*

Так бойковский тип храмов, продвигаясь на юг, перенимает у западных архитектурных стилей — готики, барокко — свойственный им фасад с колокольней.

От Соли едем дальше по шоссе до села Дубриничи, откуда ведет по живописной долине речки Люты узкоколейка до села Черноголова. В этом селе встречаемся с памятником деревянной архитектуры, совершенно отличным от тех, которые мы видели на Бойковщине, — памятником, в котором воплощены в дереве достижения барокко. Стройный силуэт ажурной колокольни в Черноголово уже издали виден на фоне невысоких холмов, темный цвет сруба придает постройке хмурую важность.

Под влиянием архитектурных форм западного культового зодчества мастера, возводившие Николаевскую церковь в Черноголово, полностью отказываются от трехкупольной системы бойковских церквей и придают своему строению базиликальную форму с высокой барочной колокольней. Стиль барокко здесь органически вплетается

в старые формы деревянной церковной постройки и больше всего проявляется во внешних декоративных формах и в пристрастии к закруглению архитектурных деталей башни.

В интерьере церкви сохраняется принцип трех пространств, наряду с двускатной крышей также остается и опасанье, широкий скат которого, опирающийся на резные столбы, образует галерею с трех сторон церкви.

Из Черноголовы мы возвращаемся на шоссе, проезжаем живописнейшую часть Ужанской долины. Здесь она становится шире, горы ниже. Но за Перечином она опять сужается, лента шоссе все теснее прижимается к склону хребта, справа из-за поворота вдруг появляются обрывистые Борочевские скалы, под ними шумит речка Уж. Они особенно живописны осенью, когда кусты в их расщелинах в один день вспыхивают багровым пламенем и охрой окрашивают воды Ужа. Осенняя краса этих мест запечатлена на полотнах певца карпатской осени, основателя закарпатской школы живописи И. И. Бокшая.

Затем горы опять расступаются у села Невицкого, где на левом берегу Ужа, на высоком отроге горного массива Анталовецкой поляны на высоте 122 м возвышается страж Ужанской долины — Невицкий замок.

Из всех видов архитектурных памятников, созданных в прошлом на Закарпатье, ни один не влечет к себе с такой силой, как замки. Величественные постройки или романтические развалины, возвышающиеся на одиноких вершинах, укрытые в чаще леса или отбеленные дождями и солнцем, посреди широкой долины, сами по себе чрезвычайно живописные, — все они окружены всевозможными преданиями. Легенды о подземных ходах, о мрачных подземельях, где томились таинственные узники, закопанных кладах и страшных трагедиях создают чрезвычайно заинтересованное отношение людей к этим памятникам прошлого. Но замки привлекают посетителей еще и потому, что в их среде оживают давно минувшие времена. Архитектурные части замка, стены, дворцы, коридоры с низкими сводами — все это позволяет конкретно представить себе жизнь человека средневековья.

Многие замки возникли на месте старых славянских городищ и служили венгерским королям, захватившим в XI—XII веках Закарпатье, в качестве пограничных укреплений. В этот период в Венгрии строить замки мог только король. Лишь после монгольского нашествия в 1241—1242 годах король предоставил это право также и магнатам, возложив на них одновременно обязанность

*Село Черноголова
Николаевская церковь.
1794 г. Гравюра
И. Ржержихи*

обороны края. В то же время замки теряют свой исключительно оборонительный характер. Новые замки теперь служат жилищем шляхты или становятся центрами административной власти. Последние получили название жупных замков, как центры административных единиц — жуп. Замки Закарпатья сыграли большую роль в антигабсбургских восстаниях XVII—XVIII веков. Поэтому закарпатские замки — это прежде всего памятники военного искусства, а элементы исторических архитектурных стилей в них — романского искусства, готики, Ренессанса, барокко — скорее исключение, чем правило. Но если рассматривать архитектурный комплекс замка в городском ли ансамбле или как неотъемлемую часть пейзажа Закарпатья, то нельзя не оценить их гармонии и красоты, а следовательно, нельзя не признать их определенной эстетической ценности. Все замки были построены руками крепостных, закарпатских украинцев, а потому являются составной частью их культуры.

Каждый замок имеет свою особую историю, был ли он гнездом феодала-разбойника, княжеским или королевским владением. Многие из них превратились в развалины еще в эпоху феодальной междоусобицы, разрушенные воинственными соседями или королевскими войсками, беспощадно наказывавшими строптивых владельцев каменных твердынь в эпоху укрепления абсолютизма. Следы иных можно отыскать лишь в названиях холмов, на которых они некогда возвышались.

Невицкий замок возник где-то во второй половине XIII века. Впервые упоминается он в грамоте начала XIV века как опорная база восставших против королевской власти. В Венгрии в связи со смертью последнего представителя династии Арпадов шла борьба между сторонниками и противниками нового короля — Карла-Роберта. В этот период Невицкий замок стал опорной базой противников нового короля. Но к шляхте присоединилось и крестьянство, и восстание в этих краях переросло рамки феодальной фронды. Восставшие пытались получить помощь из Галицкой Руси и даже предложили галицкому князю венгерскую корону. Но Галицкая Русь, борющаяся в это время с польскими феодалами, не могла оказать восставшим существенной помощи. После длительной осады королевские войска взяли Невицкий замок. Восставшие ушли в леса и сопротивлялись еще десять лет.

После подавления восстания замок был отдан во владение магната Другета, пришедшего из Италии вместе с новым королем Венгрии. В это время укрепления замка были еще деревянными. Другет решил его перестроить. Постройка каменного замка затянулась на многие десятилетия. Закончила ее одна из представительниц рода Другетов, отличавшаяся весьма крутым нравом. За безмерную жестокость народ прозвал ее «Поган-дивча», то есть «Злая дева». С ее именем связана одна из народных легенд о добром короле Матяше, который, согласно другой легенде, происходил из соседнего села Ориховицы.

...«Злая дева» для строительства замка приказала жителям окрестных сел приносить молоко и яйца для замешивания раствора. Кто пытался протестовать, того она беспощадно наказывала. Жалобы на нее дошли до самого короля. Король Матяш вызвал ее на суд, а когда она не явилась, то он сам возглавил войско, которое должно было наказать «Злую деву». Но к тому времени она настолько укрепила Невицкий замок, что взять его штур-

Невицкий замок

мом королевские войска не решались. Король Матяш был не только справедливым, но и хитрым и решил взять замок обманом! Он велел собрать всех коров округи, нацепить им колокольчики и погремушки, а войскам зажечь факелы и ночью поднять шум у стен замка. Его замысел удался. «Злая дева» приняла крики, шум, огни факелов за начало штурма, испугалась и бежала из замка. Сам король пустился за ней в погоню и настиг ее у выхода из долины Ужа. Решила «Злая дева» использовать свое последнее средство — красоту. Но блеском король Матяш назывался справедливым — блеснула сабля в его руке, и голова «Злой девы» покатила с плеч...

Разрушен был Невицкий замок войсками трансильванского князя Дьердя Ракоци II в 1644 году. С тех пор он опустел, и только в конце XIX века, когда Невицкое стало местом отдыха ужгородцев, его частично реставрировали. Но затем пришла первая мировая война, замок

Ужгородский замок.
Рисунок Янко Алекси

шими и малыми (достаточно вспомнить хотя бы венгеро-турецкие войны и последовавшую за ними междоусобицу). После поражения венгерских войск в битве под Модачем в 1526 году южная часть королевства со столицей Будой была занята турками, западная — австрийскими Габсбургами, в восточной же части образовалось Трансильванское княжество, признавшее себя вассалом Турции. Закарпатье стало ареной борьбы между трансильванскими князьями, претендовавшими на роль объединителей Венгрии, и Габсбургами, которым юридически принадлежала венгерская корона. Владельцы Ужгородского замка Другеты придерживались прогабсбургской ориентации.

Все это потребовало коренной реконструкции замка, которая и была сделана в конце XVI века с использованием новейших достижений фортификационного искусства Европы. В это время в северной Венгрии, Словакии и Закарпатье работала группа итальянских военных ин-

женеров, которые были приглашены ввиду турецкой угрозы Венским военным советом для перестройки и укрепления замков и крепостей. В Ужгородском замке итальянские инженеры строят мощные стены с ромбовидными бастionsами по углам, выдвинутыми за линию квадрата стен, что усиливало эффективность на площадках с помощью артиллерии, установленной на бастionsах. О перестройке говорит дата, высеченная на главном подъезде центрального крепостного здания — «1598». Над ней в виде барельефа высечены на каменной плите четыре дрозда — герб Другетов. Через полстолетия стены замка опять укреплялись, о чем повествует высеченная на северной стене дата — «1653». В конце XVII века род Другетов по мужской линии вымирает, и Ужгородский замок переходит к новому владельцу, который вновь перестраивает его и укрепляет по плану французского инженера Лемера. Последняя перестройка определила его современный вид.

Внешний образ замка (его мощные квадратные башни, его массивность) напоминает, скорее, оборонные постройки эпохи раннего средневековья. Непроступность сооружения особенно подчеркнута с северной стороны массивной гладью высоких стен, лишенных даже бойниц. Эта часть замка защищалась только килеобразным бастionsом. Стены построены в основном из камня, лишь местами применяется кирпич. С трех сторон замок окружает глубокий ров (8—10 м), через который был перекинут подъемный мост. До настоящего времени уцелели отверстия для цепей, при помощи которых мост поднимался. Стены замка лишены каких-либо украшений, за исключением карниза из белого камня, несколько смягчающего суровый ритм серых стен и бастionsов.

Через полукруглый проем ворот мы попадаем во двор замка, где перед нами встает замковый дворец — массивное двухэтажное прямоугольное здание XVI века с массивными квадратными башнями по углам. Комнаты дворца со сводчатыми потолками лишены каких-либо росписей, и только в некоторых сохранились небольшие украшения. Коридор ведет нас во внутренний небольшой дворик. Северная стена дворца — прямо у обрыва, который настолько крут, что строители считали излишним возводить здесь защитную стену. Оборона ее велась эффективно с килевидного бастionsа, который контролировал всю северную сторону замка, поэтому вряд ли корону из осаждавших приходило в голову штурмовать замка с севера. К тому же внизу протекала речка и при-

менить осадные приспособления с этой стороны было невозможно. По тем временам Ужгородский замок был мощным укреплением. Взять его, как показали события венгерской Освободительной войны 1703—1711 годов под руководством магната Ференца Ракоци II, было не просто. К Ракоци присоединилось множество крестьян Закарпатье с надеждой, что после изгнания австрийцев он выполнит свои обещания и освободит участников движения от крепостной зависимости. Так к нему присоединился разбойничий атаман Иван Беца со своей дружиной, действовавший в 90-х годах XVII века севернее Ужгорода, наводя ужас на помещиков округа. Его отряд захватил Ужгород и окружил замок. Русский посол в Вене П. А. Голицын писал в своем донесении Петру I об этом событии: «Бунтовщики несколько приступ с лестницами чинили, только с великой утратой всегда отбиты, на которых приступах в 300 человек потеряли и видя без артиллерии их бессилие многие возы соломы вокруг замка оболокли, оного огнем к сдаче принудить хотели и ничего учинить не смогли».

Только в начале 1704 года гарнизон замка решил отказать от сопротивления. Положение его к этому времени стало безнадежным, так как Закарпатье уже стало глубокоим тылом восставших. 2 марта 1704 года в лагере Ракоци в Мишкольце были подписаны условия сдачи замка. Австрийский гарнизон под дробь барабанов с развернутыми знаменами покинул Ужгородский замок и отошел в Польшу.

В дальнейшем ходе Освободительной войны замок не играл особой роли, будучи в глубоком тылу. После поражения армии куруцес, восставших, и бегства Ференца Ракоци из страны гарнизон Ужгородского замка 11 мая 1711 года капитулировал. До раздела Польши он служил в качестве пограничного укрепления, а после того как австрийские границы были отодвинуты далеко в Галицию, замок потерял свое стратегическое значение и передан был императрицей Марией-Терезией мукачевскому униатскому епископу. В этот период во время перестройки был уничтожен красивый рыцарский зал.

В настоящее время в замке размещены Закарпатский краеведческий музей и картинная галерея. В музее собран богатый материал археологических раскопок, которые ведутся в Закарпатье со второй половины XIX века. Экспозиция музея рассказывает о материальной культуре и искусстве племен, населявших Закарпатье со времен палеолита. Особый интерес представляет бронза-

вая коллекция Закарпатского краеведческого музея — топоры, долота, серпы; различные украшения, имеющие большую художественную ценность, браслеты, подвески, высокохудожественно орнаментированное оружие, мечи, топоры, наконечники копий. Бронзовая коллекция музея — одна из крупнейших на Украине. Она насчитывает около двух тысяч предметов, которые относятся к XIII—XII векам до н. э. В это время Закарпатье становится одним из центров бронзолитейного производства. Эта коллекция известна далеко за пределами Украины, в Ужгород приезжают изучать ее многие ученые из зарубежных стран.

В экспозиции музея можно увидеть и редкие рукописные книги — великолепное «Королевское евангелие» 1401 года, «Ужгородский полуустав» XIV века, «Мукачевскую псалтырь» XV века, известную прекрасной миниатюрой с изображением Иоанна Логофета, «Острожскую библию» первопечатника Ивана Федорова и многие другие.

Картинная галерея богата прежде всего собранием произведений художников закарпатской школы живописи. Незадолго до смерти И. Э. Грабарь подарил несколько десятков полотен своему родному городу. Они экспонируются в отдельном зале.

На замковом холме сейчас создан музей под открытым небом, где представлено деревянное зодчество Закарпатье. В музее уже находятся жилые и хозяйственные постройки, наиболее характерные для Закарпатье.

На другом конце замкового холма расположен кафедральный собор, в прошлом иезуитский костел. После изгнания иезуитского ордена из Австрийской империи в конце XVIII века собор был передан униатам. В 1878 году был значительно перестроен. В целом архитектура собора эклектична, но тем не менее внимание привлекает прекрасный портик с четырьмя колоннами коринфского ордера.

Недалеко от кафедрального собора, на Октябрьской улице, находится католический костел, построенный в стиле барокко. Он упоминается уже в 1332 году, но нынешний построен в 1762—1767 годах. Несмотря на то что он возведен был в эпоху позднего барокко, с его пышными, сложными и пластически развитыми деталями, он напоминает постройки первой половины XVII века. Тяжелый фасад его завершается четвериком колокольни с огромным черным латинским крестом, звучащим как грозное предостережение.

У холма Кальвария был еще один памятник храмового зодчества эпохи барокко — церковь XVIII века. К сожалению, о нем уже можно говорить только в прошедшем времени. Нельзя сказать, чтобы это был какой-то чрезвычайно ценный памятник эпохи барокко; ценность постройки была в том, что она являлась важным компонентом силуэта города. Ведь трудно или почти невозможно представить себе любой средневропейский город без колоколен с барочными перехватами. Но тем не менее колокольня была снесена, панораме города нанесен непоправимый ущерб...

Наиболее древним памятником гражданского строительства в Ужгороде является дворец-усадьба XVI—XVII веков в стиле барокко, расположенный в пригороде Радванке. Это небольшое одноэтажное здание с двухъярусной крышей и выступающим на фасадной стороне ризалитом. В этом доме родился известный венгерский поэт Ст. Дендьеш.

Ужгород. Общественное здание. Архитектор А. Крупка. 1934—1936 гг.

Среди построек нашего века в Ужгороде наибольшую художественную ценность представляет комплекс зданий на набережной реки Уж и вокруг площади Ленина — «Нас монументальным административным зданием — «Наш родной радой», как его обычно называют ужгородцы. Этот ансамбль был построен в 30-е годы чешскими архитекторами-конструктивистами. Передовые зодчие Чехословакии 20-х, 30-х годов объявили войну мешанскому украшательству и помпезности в архитектуре и стремились создавать постройки, которые бы прославляли человека и его жизнь. Такая позиция в искусстве привела их в ряды борцов за новое общество, а объединение «Левый фронт», куда они входили, стало опорой коммунистического движения в среде деятелей культуры Чехословакии. В этот период чешская архитектура завоевывает огромную популярность, а маленькая страна в Центральной Европе становится школой новой, конструктивистской архитектуры. Поэтому строительство даже в

отдаленной провинции, какой было Закарпатье в буржуазной Чехословакии, становится предметом архитектурного творчества. Присмотритесь к созданному конструктивистами в Ужгороде, Мукачево, Берегове, Хусте — и вы поймете, что привлекательность его прежде всего в человеческой соразмерности жилых зданий, неповторимости, индивидуальности места, где живет человек. Небольшой масштаб построек, интимные уголки, площади-пяточки с мозаичной мостовой создают особую уютную атмосферу в новых кварталах. Внешнее оформление зданий подчинено всему строю архитектурного целого. Мягкий декор стен, окраска в светлые тона, плавные линии карнизов и балконов создают торжественное и праздничное настроение в излюбленном месте вечерних прогулок ужгородцев, на набережной Ужа. Среди этих построек особенно выделяется своими исключительно четкими, ясными и простыми формами Народная рада, построенная по проекту архитектора А. Крупки в 1934—1936 годах.

*Горянская ротонда.
XII—XIII вв.*

Здание, имеющее всего шесть этажей, благодаря лаконизму общей композиции площади Ленина кажется огромным и в то же время необычайно легким.

На левом берегу Ужа с творениями конструктивистов соседствуют архитектурные ансамбли Киевской набережной, проспекта 40-летия Октября, созданные за последние десятилетия советскими архитекторами. Здесь выделяется ритмом своих лоджий здание гостиницы «Ужгород».

В окрестностях Ужгорода, в селе Горяны, куда мы едем городским автобусом, находится одно из самых древних культовых каменных сооружений в Закарпатье. Уже с первого взгляда мы обнаруживаем, что церковь состоит из двух самостоятельных частей. Одной из них является круглое здание, которому церковь обязана своим названием, — ротонда. В глаза бросается могущество и торжественность ее стен, их архаическая просто-

та. Другая часть храма — удлиненный прямоугольник нефа, пристроенный к ротонде позже. Эта постройка расположена на высоком холме, доминирующем над всеми окрестностями. Склоны его изрезаны валами, которые, по всей вероятности, защищали бывший здесь некогда замок.

Горянская ротонда является уникальным архитектурным памятником, значение которого выходит далеко за масштабы Закарпатья. По своему архитектурному облику она не имеет прообраза в Центральной Европе. Ясные и логические формы постройки, центричность внутреннего пространства и объема, расчлененного шестью абсидами-конхами, широкий тамбур, перекрытые сферическим куполом, отсутствие мелких украшений — все это говорит о ее родстве с византийским храмовым зодчеством, влияние которого через территорию южных славян распространялось и на Центральную Европу. Наиболее вероятное время ее возникновения — XII—XIII века.

*Горянская ротонда.
Фрагмент фрески «Бегство
в Египет». XIV в.*

На стенах ротонды сохранились фрески XIV века на тему «Страстей». Они пострадали от времени, несколько раз замазывались. В последнее время советскими реставраторами осуществлена была расчистка всего монументального фрескового ансамбля ротонды и нефа.

Фрески ротонды исполнены в 70-х годах XIV века. По своему стилю они близки южночешским и североитальянским памятникам XIV века. Сцены, изображенные на стенах абсид-конх, идут двумя полосами, одна за одной, разрушая целостности интерьера и создавая ощущение непрерывного рассказа.

В типаже, пропорциях и экспрессивной духовности образов ощущается влияние искусства готики Чехии, Германии. Чем больше всматриваешься в сцены, написанные на стенах храма, тем сильнее чувствуешь дыхание реального мира, взволнованное и страстное отношение художника к изображаемым событиям, свойственное готическому искусству. Здесь объединяются мягкость и ли-

*Среднянский замок XII в.
Акварель Э. Тота.*

ризм фресок XIV века — «Благовещение», «Дары волхвов», «Бегство в Египет» — с фанатичной сосредоточенностью персонажей и подчеркнутым трагизмом «Распятия», «Покрова» XV века. Все сюжеты, связанные с образом богоматери, исключительно лиричны. Одной из лучших фресок ротонды является сцена «Бегство в Египет», которая по художественному совершенству принадлежит к выдающимся произведениям искусства.

Мы выходим из ротонды и еще раз бросаем взгляд на всю постройку. Чувство покоя и умиротворения вызывает простая гладь ее стены, и кажется, что она до сих пор хранит тепло человеческих рук, создавших ее. Извилистой тропой спускаемся вниз с холма и покидаем Горяны.

Отсюда наш маршрут ведет по шоссе на восток. Нас по-прежнему сопровождают холмы Карпатского предгорья. В нескольких километрах от Ужгорода они как бы выбежали на широкую равнину, оторвавшись от основного

массива. Лента шоссе в этом месте то взмывает вверх, то плавно опускается вниз, чтобы затем опять взбежать на следующий холм. Но Закарпатье не только край, где волнами вздымаются к заоблачным высотам горы. Здесь есть также места тихого очарования, которые словно нарочно созданы для покоя, отдыха, размышлений. Таким уголком на нашем пути является старинное село Середнее и его древний замок, в 20 километрах от Ужгорода вздымающийся среди полей, подобно великану, обглоданные временем плечи своих стен. Среди архитектурных памятников Закарпатья эпохи феодализма он занимает особое место. Это единственный в крае равнинный замок, в то же время в облике его сохранился самый древний тип каменной твердыни средневековья.

Замок, расположенный на юго-западной окраине Середнего, был построен в XII веке воинствующим монашеским орденом тамплиеров. После распада этого ордена, в 1312 году, замок часто меняет владельцев, а после Освободительной войны 1703—1711 годов превращается в развалины.

Среднянский замок образует всего лишь одна квадратная башня — донжон (19×19 м) — главное и самое характерное звено романской средневековой крепости. Первоначально башня была двухэтажной с балочным междуэтажным перекрытием. Стены ее исключительно массивны и достигают толщины 2,8 метра. Жилые помещения находились на втором этаже, здесь же был и узкий вход, проникнуть к которому можно было только по приставной лестнице. В первом этаже были кладовые, в подzemелье — тюрьма, а на крыше выставлялся дозор. Двор вокруг донжона был окружен стенами, тянувшимися на расстоянии 17 метров от башни. Кроме того, замок извне окружало двойное кольцо земляных валов и рвов, наполненных водой, остатки которых видны до сих пор. Внешние стены замка местные крестьяне разобрали для своих домов, оплыли давным-давно земляные валы, заросли рвы, и только подсолнух, мудро кивая головой, заглядывает внутрь каменной громады...

2. От Мукачева до Королева

Там внизу, внизу в ложбине.
Тонет город в дымке синей.
Он на прошлое походит
И, как время, вдаль уходит.
Он рисуется в тумане
В образе воспоминанья.

Шандор Петефи

За Средним дорога взбегает на пологий холм, с вершины которого открывается панорама совершенно иного характера, чем мы видели до сих пор. Здесь начинается бескрайняя Дунайская равнина. Зеленые поля сменяют просторные луга с пестрой расцветкой полевых цветов. На смену им идут пастбища с ломаной линией колодезных журавлей, звучащей на этом фоне как грустная песня далеких времен...

Через полтора десятка километров горы опять вплотную подходят к шоссе. Здесь наше внимание привлекает одиноко возвышающийся над равниной холм, вершина которого увенчана замком. Высоко в голубой дымке рисуются его очертания. Это Мукачевский замок, наиболее известный среди памятников архитектуры Закарпатя, окутанный множеством легенд и преданий, овеянный славой своего боевого прошлого. Несмотря на разновременность возникновения отдельных построек, образ замка удивительно цельный. Место его возникновения, конусообразная скала с усеченной вершиной, определило общую композицию замка. Издали он смотрится единым объемом, а вблизи предстает в виде каскада ниспадающих террас, составленных из разнообразных построек. Каждая точка восприятия замка создает неповторимую картину этого пластичного сооружения. Замок удивительно скульптурен благодаря «кубистическим» формам граненых серых бастioniов.

Трудно определить точную дату его возникновения на одиноком холме у речки Латорицы. На замковой горе

уже в конце IX — начале X века было небольшое славянское укрепление. В 1290 году замок упоминается как владение венгерского короля. Сооружение каменного замка народное предание приписывает подольскому князю Федору Кориатовичу, владения которого были захвачены литовским князем Витовтом во второй половине XIV века. Князь Кориатович покинул Подолье и со значительным количеством своих сторонников перешел к своему союзнику, венгерскому королю, который передал ему в вассальное владение Мукачевскую долину.

Князь Кориатович проявил себя в Закарпатье как прогрессивный деятель, всемерно распространявший здесь культурное наследие Киевской Руси. Своей резиденцией он избрал Мукачево и поселился здесь в замке в 1396 году.

Замок во времена Кориатовича состоял из квадратной башни — донжона, расположенной на самой верхней террасе горы. Донжон находился в центре квадрата двора, окруженного стенами с четырьмя круглыми башнями по углам, три из которых сохранились до наших дней. У стен был выкопан сухой ров. На случай осады Кориатович велел выдолбить в скале колодец глубиной 85 метров. На внутренней стенке колодца выдолблена винтовая лестница, а также резервуары для хранения большого запаса воды. Для тех времен это было сложное сооружение, недаром народное предание приписывает его создание дьяволу.

После смерти Кориатовича Мукачевский замок сменил многих владельцев, застраивавших вершину горы и перестраивавших замок по требованиям времени. В XVI веке строится кольцевая бастион верхнего замка и 14-метровая дозорная башня. Дата «1569», высеченная в среднем замке, говорит о продолжавшейся перестройке его во второй половине XVI века. В начале XVII века в среднем замке над арсеналом был построен второй этаж. Об этом свидетельствует надпись над лестницей.

С этого времени (1603) сохранилось описание замка. В оборонительной системе его в то время было 14 башен. В верхней части находился большой дворец, возле него — каменная лестница, рядом — еще один дом с эркером. На восточной стороне замка была постройка с подвешенным, позволявшим доставлять в верхний замок провиант, оружие и боеприпасы, минуя средний и нижний замки.

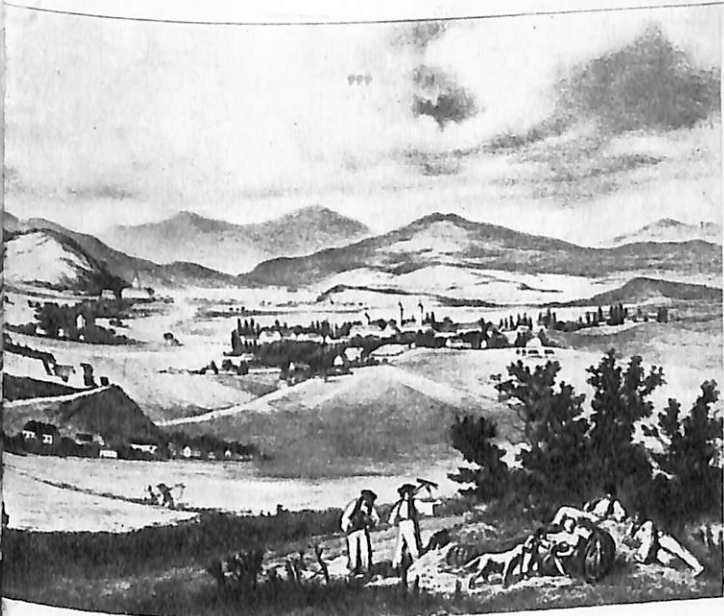
В 1633 году Мукачевский замок перешел во владение трансильванского князя Дьердя Ракоци I. Князь хорошо

Мукачевский замок.
Литография XIX в.

понимал стратегическое значение замка, контролировавшего древний путь из Венгрии в Польшу через Верецкий перевал, и поэтому вновь его укрепляет. Он велел углубить рвы, укрепить наружные стены и бастионы, а на скалистые склоны горы нанести слой плодородного грунта. Вероятно, в этот период и родилась легенда об искусственном происхождении замковой горы. Она говорит о том, что холм был насыпан руками крепостных, потому замок и город получили название, корень которого от слова «мука». Но все же замковая гора естественного происхождения, об этом говорят выходы вулканических пород на склоне горы и у основания бастионов.

По указанию Ракоци был вырыт ров шириной 12,65 метра и глубиной 5—6 метров, наполнявшийся водой из Латорицы. У вторых замковых ворот были построены две новые башни. В ознаменование этой большой перестройки на стенах восточного бастиона нижнего замка была сделана надпись: «Если военное искусство, приро-

да и бог на моей стороне, мне и пушки не страшны, а при благоприятном расположении звезд — века переживу».

Со смертью Дьердя Ракоци I замок переходит к его вдове, при которой был возведен третий этаж на здании среднего замка.

В XVII веке уже все четыре террасы замковой горы были застроены. На первой террасе до наших дней сохранились остатки привратной башни, построенной посреди сухого рва, через который в замок вел подъемный мост.

Вторая терраса находится на 10 метров выше первой. Здесь сооружен нижний замок. К нему от привратной башни также вел подъемный мост. С поднятием его закрывались ворота нижнего замка. Подступы к ним прикрывали два бастиона огромной толщины стен.

На третьей террасе расположен средний замок, окруженный сухим рвом. Через ров вел третий подъемный мост. У ворот возвышаются два бастиона.

конца XVII века. Обороной замка руководила мужественная женщина — Илона Зрини. В замке вместе с ней были и ее малолетние дети, в том числе и Ференц Ракоци II, будущий вождь самого крупного и последнего антиабсбургского движения в Венгрии.

17 января 1688 года обманутая подложным письмом своего мужа, руководителя восстания, которое сфабриковал управитель ее имений, замешанный в махинациях с поставками продовольствия и боеприпасов осажденным, Илона Зрини подписала капитуляцию. После этого сильно поврежденный во время осады замок перестраивается. Высокие башни уже не отвечали требованиям фортификации конца XVII века и были только мишенью для артиллерии, потому их снесли. Идеалом оборонительного сооружения становятся низкие крепости с правильной планировкой, выдвинутыми круглыми (позже острокопечными) бастионами и несколькими линиями полевых укреплений. Согласно такой системе перестроен был и Мукачевский замок. В это же время была снесена и старая башня — донжон времен Кориатовича. В результате такой перестройки замок превратился в сильнейший форпост Австрийской империи на востоке.

Не успели завершить постройку укреплений этой системы, как замок вновь попал в бурный водоворот событий Освободительной войны венгерского народа под руководством сына Илоны Зрини, Ференца Ракоци II. Вооруженные куруцы, повстанцы Ракоци, захватили 24 июня 1703 года город Мукачево, но замок им взять не удалось. Австрийский гарнизон устоял перед первым натиском. На помощь ему пришли войска под командованием генерала Монтекуколи, оттеснившие куруцев из города. Об этом событии сохранилось сообщение русского посла в Вене П. А. Голицына: «Из венгерской земли ведомость пришла, что противник Рагоца собрался с несколько тысячами... противным народом и приближался к бывшему своему городу Мангачь, хотя тамо одержался, только его намерение ему не удалось, потому что граф Макдоколюмы на его напал и тысяч их положил, а остальные разогнал... Рагоцкий через границу опять в Польшу ушел, где он от француза содержание имеет».

В Польше Ракоци собрал новый отряд, в котором уже были и украинские казаки, о которых Голицын писал: «Некоторые своевольники с Подоли и Запорог к тем бунтовщикам приходили». Но гарнизон замка не сдавался, осада затягивалась. Хорошо вооруженный австрийский отряд в составе 500—600 человек успешно защищался,

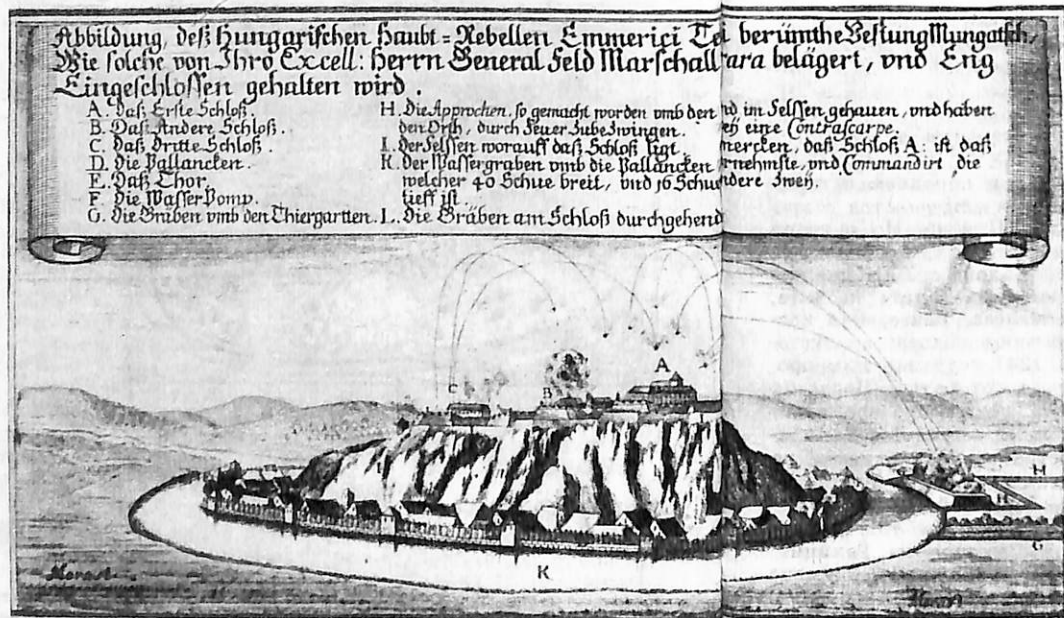

Мукачевский замок.
Гравюра. XVI в.

делал постоянные вылазки. Принудить к сдаче его могла только длительная осада. Спустя восемь месяцев, когда осажденные потеряли всякую надежду получить подкрепление ввиду продвижения войск Ракоци в глубь Венгрии, командование гарнизона замка пошло на переговоры, и 16 февраля 1704 года замок капитулировал.

Ференц Ракоци II решил превратить Мукачевский замок в современную крепость. Он дал указания французскому инженеру, генералу Демюссе, разработать новый план укреплений. Работами по их постройке также руководили французские инженеры.

На значительном расстоянии от замковой горы была построена звездообразная система редутов, окруженных глубоким рвом. Для заполнения его водой от речки Латорицы были проложены два канала. В это же время старая извилистая дорога, которая вела в замок с юга, была заменена новой вдоль западного склона холма. Для ее защиты на случай прорыва неприятелем линии редутов

Осада Мукачевского замка австрийскими войсками 1685—1688 гг. Гравюра. XVII в.

с юго-запада был построен дополнительный бастион у самого подножия горы. Это давало возможность защитникам замка маневрировать во время его обороны.

Несмотря на то, что Мукачевский замок оказался в глухом тылу армии Ракоци, он и дальше оставался в центре событий Освободительной войны. Сюда был переведен в 1705 году из Трансильвании монетный двор. Первые монеты были отчеканены в замке в начале 1706 года, но так как матрицы были сделаны раньше, то на монетах стоял 1705 год. Отдельные монеты были обозначены латинскими буквами «СМ», то есть «Castrum Munkacs». На монетах также был отчеканен лозунг Ракоци «Pro libertate» («За свободу»). Со временем монетная мастерская была расширена, появились более квалифицированные мастера. В 1710 году здесь уже чеканились серебряные и даже золотые монеты. Мастерская чеканила также юбилейные медали. Работала она до 1713 года. В ведении коменданта замка был также самый большой в тог-

дашней Венгрии пороховой завод, расположенный в городе Мукачево.

После поражения армии Ракоци Мукачевский замок был последним опорным пунктом куруцев, его гарнизон капитулировал 24 июня 1711 года. Замок перешел во владение государства и до раздела Польши был важной военной крепостью Австрии. Затем был превращен в конце XVIII века в одну из самых мрачных тюрем. Здесь в 1794 году были заточены австрийский якобинец А. Ридл, венгерский писатель Ф. Казинци, в 1809 году сюда был препровожден французский посол Камил Турно, в 1821—1823 годах здесь находился в заключении вождь греческого национально-освободительного движения Александр Ипсиланти. Не удивительно, что певец свободы, венгерский поэт Шандор Петефи, посетивший замок в 1847 году, пишет такие горькие строки:

«В годы давние Илона Зрини
Стяг свободы подымала тут,

Но, увы, пристанище героев
 Ныне жадких узников приют.
 Кандалов унылое бряцанье,
 Каменная прочная стена...

Черви там грызут и дух и тело...
 Темная, сырая глубина...»

Мы спускаемся с замковой горы и попадаем в город Мукачево. Первые упоминания о нем встречаются в хронике «Gesta Hungarorum» конца XII века. Но история возникновения поселения на месте города гораздо древнее. В окрестностях Мукачева, на Малой горе и Камянке, археологами найдены стоянки времен палеолита, неолита, на горе Голыш эпохи бронзы и железа. Венгерская хроника сообщает, что в 1086 году город подвергся опустошительному набегу половцев. В 1241 году над ним пронеслась буря татарского нашествия орд Батыя. После их ухода здесь прочно обосновались венгерские феодалы, и только в конце XIII века галицкий князь Лев Данилович на некоторое время распространил свое влияние на часть территории Закарпатья, в том числе и на Мукачево.

Постепенно город вырастает в торговый центр, на ярмарках которого можно было встретить не только крестьян близлежащей округи, но и купцов из Галиции, Польши. Об этом свидетельствует старейший документ города — грамота королевы Венгрии и Польши Елизаветы. Согласно этой грамоте, город Мукачево имел право пользоваться для скрепления различных бумаг и купчих собственной печатью. Грамота датирована 22 мая 1376 года.

Значительного развития город достиг в период, когда он принадлежал князю Федору Кориатовичу. После его смерти город сменил многих господ, которые заботились не столько о его развитии, сколько о собственных доходах. Горожане вели упорную борьбу против феодальной зависимости, но только в 1445 году город Мукачево получил Магдебургское право — право самоуправления. Но город пользовался им недолго. Жители его приняли активное участие в крестьянской войне в Венгрии под руководством Дьердя Дожи в 1514 году. Феодалы, разгромившие восставших и посадившие их вожда на раскаленный железный трон, не пощадили и Мукачева. Город был отнесен к числу мятежных, разграблен и долгое время платил контрибуцию.

В XVII веке на длительное время Мукачево становится владением трансильванских князей. Здесь они принимали

послов Богдана Хмельницкого и заключили с ним союз. Но войска Дьердя Ракоци II потерпели в Польше поражение, и это принесло городу новые испытания. В Закарпатье появилась армия под командованием князя Любомирского, захватившая и разорившая Мукачево. Затем последовали антигабсбургские войны второй половины XVII — начала XVIII века, по окончании которых в 1711 году даже сам жупан скорбно заметил: «Мукачево больше не возродиться». Город опять попал в феодальную кабалу, был пожалован вместе с доминией графу Шенборну из Вюрцбурга. Борьба горожан против феодальной зависимости завершилась только в первой половине XIX века.

«В Мукачево чувствуется недостаток достопримечательных построек и памятников, а поэтому, пройдя вдоль его двух главных улиц, кажется, что за краткий период ты достаточно узнал город, который в будущем станет очаровательным... Несмотря на длительное культурное прошлое этого края, Мукачево не кажется отягощенным историзмом и развивается как молодой город, на который, право, нельзя смотреть свысока. Здесь очень оживленно и весело в центре города и опять же трудолюбиво тихо в боковых улочках», — писал в 30-е годы чешский писатель С.-К. Нейман.

Он не ошибся в своем предположении о том, что Мукачево станет очаровательным. Таким оно становится в наше время. За последние годы построена прекрасная набережная на левом берегу Латорицы, на правом же выросли новые кварталы жилых домов с зелеными островками сквериков. Нарядными стали улицы окраин с коттеджами рабочих, выросшими на месте старых лагун.

Въезжая в Мукачево со стороны Ужгорода, мы сразу попадаем на его центральную площадь, украшением которой является ратуша, построенная в 1904 году. Архитектор нашел весьма удачное решение постройки, сохранив определенные черты древней средневековой архитектуры. Давняя традиция строительства ратуш в Европе проявилась в постройке квадратной в плане башни, покоящейся на мощных опорах в форме стрельчатых рустированных арок. Она примыкает к выступающей части здания с малаемскими башнями-эркерами по углам. Окна первого этажа оформлены в виде больших стрельчатых арок. Стена фасада расчленена пилястрами и завершается плавной, волнистой линией невысокого аттика. Общую картину здания завершает высокая черепичная крыша. Все это, вместе взятое, рождает ощущение солидности и торжественности, что вполне соответствует назначению здания.

От ратуши идем по улице Мира, где в глубине одного из дворов расположена бывшая резиденция трансильванских князей на Закарпатье — Белый дом, который был построен в середине XVII века. В 1746 году граф Шенборн решил его перестроить. Реконструкцию дворца осуществил архитектор Валтазар Нейман. Первоначально это было одноэтажное здание. К нему с правой стороны был пристроен новый корпус с симметрически расположенным флигелем. Во время перестройки Нейман оставил без изменения красивые полукруглые своды Белого дома, в верхнем этаже перекрытие было сделано плоское. Окна первого этажа простые, зато на окнах второго этажа — затейливая орнаментика в стиле барокко. По вертикали стены дворца расчленены пилястрами, в центре главного фасада — красивый портал в стиле барокко. Среди небольших домов горожан из самана, покрытых гонтом, а то и соломой, эта постройка в пору своего возникновения должна была производить большое впечатление.

В конце улицы у стен католического костела притаилась готическая часовня XIV века. Стены каменной кладки прорезаны узкими стрельчатыми окнами и укреплены мощными контрфорсами. Западный фасад профилирован большой стрельчатой аркой портала со скромной «розою» в тимпане.

К новому католическому костелу выходит улица Кирова, вся застроенная в стиле конструктивизма. Но это уже только отзвук того, что было создано конструктивистами в Ужгороде. И все же здесь вы найдете несколько интересных вилл, утопающих в зелени экзотических деревьев.

Но самым ценным архитектурным памятником Мукачева является деревянная лемковская церковь, перенесенная сюда из села Шелестова в 1927 году. Она находится в тихом уголке города, на улице Богомольца. Эта постройка является наиболее характерным образцом деревянных храмов лемковского типа. С ней можно сравнить разве только церковь из села Медведицы, которая в настоящее время находится в столице Чехословакии — Праге, на холме Петржин. Две другие церкви лемковского типа также были вывезены в 30-х годах из Закарпатья: из села Обава в Новую Паку, из села Глинянец в Кунциде под Ондражейником (ЧССР). Лемковские деревянные церкви очень распространены были в Закарпатье, в особенности в предгорье и равнинной части края. В настоящее время в Закарпатье сохранились только два дере-

вянных храма такого типа — Шелестовская церковь в Мукачево и церковь в селе Канора. Михайловской церкви из села Шелестова присуща легкость и стройность, которой нет ни в одной постройке этого типа. Недаром И. Э. Грабарь еще в начале века в своей «Истории русского искусства» рассматривал ее как лучший образец деревянного зодчества Закарпатья.

В архитектуре церкви наиболее ярко отразилось западное и восточное влияние в деревянном зодчестве Карпат. Центральный в основе план говорит о ее восточном происхождении, колокольня — о связях с западным искусством, шатровые многоярусные крыши над нефом и алтарной частью связывают ее с бойковским зодчеством северных Карпат. Казалось бы, что в результате такого соединения должно возникнуть что-то эклектическое, лишённое всякой художественной ценности. Но народные зодчие нашли достойный удивления синтез современности и традиционности, объединив национальные средства украинского народного зодчества с барочными.

У лемковских памятников, в том числе и у шелестовской церкви, на смену четкости архитектурного построения бойковского зодчества приходит живописность расположения масс и декоративизм барокко. Постройка приобретает исключительную динамичность благодаря постепенному нарастанию трех ее частей: от алтаря, через центральный верх к стройной башне-колокольне. Мощный четверик колокольни с широкой галереей-подсебительем, барочными перехватами купола и ажурными арочками в основе фонарика как-то по-особому выделяют ее во всей постройке. Арочки фонарика башни и декоративное оформление окон носят выразительные признаки стиля рококо.

В интерьере храма зрителя поражает иконостас искусной глубокой резьбы. Он кажется декорацией сказочной сцены, воздействующей своими величественными цветовыми и световыми эффектами. Комбинированная резьба позолоченных колонок, расчленяющих плоскость иконостаса, столь богата, что создает впечатление непрерывного роста.

Иконостас украшали иконы выдающегося закарпатского живописца XVII века Ильи Бродлаковича-Вышенского. Одна из них, «Архангел Михаил», написанная в 1666 году, хранится в настоящее время в Закарпатской картинной галерее. Пышно раскинутые крылья, тщательно вылепленные черты лица, некоторая стилизация в расположении складок одежды свидетельствуют о том, что писал

*Мукачево. Михайловская
лемковская церковь
из села Шелестова. 1777 г.*

*Мукачево. Михайловская
лемковская церковь
из села Шелестова.
Вид с юга*

ее опытный мастер. Произведению Бродлаковича присуща декоративная красота и светотеневая моделировка формы. Композиция и типаж напоминают нам образцы барочной живописи.

С набережной Латорицы открывается панорама Мукачевского монастыря, расположенного на противоположном берегу, у подножия Чернецкой горы. Монастырь был основан в конце XIV века князем Федором Кориатовичем и стал впоследствии центром украинской культуры в Закарпатье. Вначале он был небольшим с маленькой деревянной церковью и другими деревянными постройками. Первая каменная церковь была построена в 1661 году по заказу молдавского воеводы Константина Басараба. Это была трехчастная ротонда, построенная львовским архитектором итальянского происхождения Стефаном Пьяменсом. Но до наших дней она не сохранилась, разрушена была в 20-х годах XIX века. О ее внешнем виде мы можем судить только по рисунку начала XIX века.

В период антигабсбургских восстаний пострадал и Мукачевский монастырь. На полях Евангелия монастыря сохранилась следующая запись: «Року Божего 1703, того року, Ракоци Ференц прийшов ис Полши до Мукачевского вароша и був три дни там, аш потом прийшов едного дне борзо рано енерал Монтекукули из своим регементом и вугнав одшитко из вароша и много люда постинал, котри и не винны были простаки и из навождением дявольским церков вароску и росвиговску розбили, ва-рош запалили, из сеи книги листя повурезовали».

Существующие ныне монастырские постройки возведены в период с 1766 по 1772 год в стиле барокко по проекту и под руководством архитектора Дмитрия Раца.

От Мукачева наш маршрут ведет по шоссе на юг. Долго еще виднеется величественный силуэт Мукачевского замка. Отсюда особенно живописно выглядят уступами поднимающиеся террасы замковых построек.

Мукачевский монастырь

По обе стороны дороги простираются зеленые поля, плантации табака чередуются с виноградниками, затем вдруг у дороги вырастают тенистые дубравы, редкое явление в равнинной части Закарпатья. Это остатки некогда бескрайних дубовых лесов, куда венгерские короли и знать приезжали охотиться на туров и диких кабанов.

В 20 километрах от Мукачева перед нами опять вырастают невысокие холмы, изрезанные уступами виноградников. Это Береговское холмогорье, остатки древних вулканов. Сейчас трудно представить себе, что эти мирные холмы с пышным ковром виноградной лозы некогда извергали kloчущую массу. У подножия их раскинулся древний город Берегово.

Окрестности Берегова, самые теплые места в Закарпатье, издавна были заселены различными племенами, приходившими на смену друг другу. Археологические находки свидетельствуют о том, что на территории Берегова существовали поселения времен палеолита, неолита.

В эпоху Римской империи здесь было одно из пограничных римских поселений. В XI веке территория Берегова была первой в Закарпатье, где укрепились венгерские феодалы. Как свидетельствует грамота, в 1098 году земли эти принадлежали брату венгерского короля. После его смерти они отошли к Ламперту, его сыну, который и основал город Лампертгаза («Дом Ламперта» в переводе с венгерского).

В XII веке венгерские феодалы, заинтересованные в увеличении доходов со своих владений, приглашают сюда немецких колонистов, в первую очередь искусных ремесленников. В XIII веке в городе было столько немецких колонистов, что это даже привело к изменению его названия. Город стал называться Лампертсас («сасы» — саксонцы). В 1241 году город был razорен татарами и снова заселен колонистами, которым венгерский король Бела IV предоставил большие привилегии. В грамоте от 1342 года о Берегове говорится как о свободном королевском городе. В 1507 году город уже называется Берегсас, в это время он играет уже значительную роль в экономической жизни края. Но после крестьянской войны 1514 года, а в особенности после турецкого нашествия, когда рушились устои, складывавшиеся веками, город теряет свои права, жители попадают в феодальную кабалу.

Подъему города в XVIII—XIX веках способствовало то, что он был столицей богатого комитата, области. Свидетельством этого является комитатский дом на улице Мукачевской, построенный в 1880 году. Это двухэтажное монументальное здание в неоклассическом стиле. Здание выделяется своим фасадом, расчлененным во втором этаже рядом колонн.

От комитатского дома пройдем по мостику, перекинутому через канал Вирке, на правом берегу которого находится древний католический собор. Со всех концов города видна его высокая, четырехгранная башня с галереями. Собор был построен в XIII веке в романском стиле, но до наших дней от первоначальной постройки сохранилось немного.

В архитектуре современного береговского собора видно большое влияние памятников готики Восточной Словакии, в особенности Елизаветинского собора в Кошице. Если сравним орнаментiku окон, контрфорсов, фиал и порталов обеих соборов, то найдем во многих деталях много сходства.

Дата «1522», высеченная на южном портале, а также две другие — на окнах хоров — «1504» и «1512» свиде-

тельствуют о том, что строительные работы особенно интенсивно велись в соборе в начале XVI века. Папа Лев X в 1519 году повысил прежний приходской костел в собор. Этому событию соответствует также перестройка хоров и предпринятое новое декорирование храма в 1520 году. В 1657 году собор ограбили и подожгли польские солдаты князя Любомирского, после чего он был восстановлен на средства трансильванской княгини. Но уже спустя тридцать лет, в 1686 году, он вновь сторел дотла. Солдаты Илоны Зрини во время внезапной вылазки из осажденного Мукачевского замка разгромили австрийские войска, расквартированные в Берегове. Застигнутые врасплох, австрийские солдаты попытались найти убежище за каменной стеной собора. Во время его штурма возник пожар, и собор стал жертвой пламени. Восстановлен был только в 1839—1846 годах.

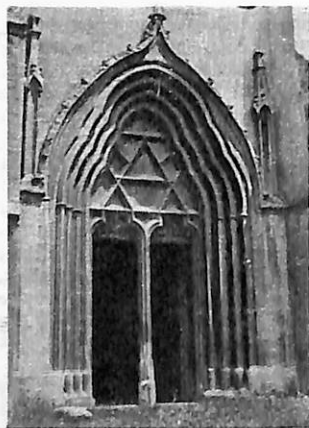
Собор был реставрирован дилетантом, который пристроил капеллу с южной стороны с тем, чтобы западный фасад был симметричен и башня стояла бы в центре нового фасада. Но он не учел того, что башня в этом храме имеет особое расположение, она немного смещена на север и захватывает часть центрального нефа.

Интересен западный фасад собора. Несмотря на искажения XIX века, он сохранил черты романского и готического стилей. Фасад расчленен четырьмя романскими полуколоннами с особым, зубчатым завершением. Расположение их отвечает внутреннему членению постройки на три нефа. Главный портал собора в период готики был профилирован стрельчатой аркой и обрамлен готическими фиалами в виде портика.

Но жемчужиной этой постройки является южный портал, созданный в XV веке. Он профилирован четырьмя большими и двумя маленькими валиками, которые отделены друг от друга неглубокими желобками. Эти валики непосредственно переходят в ломаную стрельчатую арку. Игра света и тени превращает ее во что-то живое, трепещущее. По сторонам портала до высоты стрельчатой арки поднимаются изящные фиалы, усиливающие своей вертикальностью движения линий портала.

Более древний портал сохранился на северной стороне собора. Он профилирован тремя уходящими вглубь арками, над которыми видны следы тимпана. С правой и левой стороны его находятся остатки романской пластической декорации — голова человека и лев.

В интерьере собора царит полумрак, то здесь, то там разрываемый полосами света, падающими из узких про-

*Южный портал
береговского собора.
XVI в.*

резей стрельчатых окон. Грузные колонны еще больше усугубляют ощущение мрачности, и только стремительный разлет звездообразных сводов центрального нефа и позднеготических восточных хоров с их филигранной профилировкой ребер облегчают общее впечатление.

Обойдя собор с восточной стороны, мы попадаем на улицу Горького, где расположено наиболее древнее светское сооружение в Берегове. Это так называемый Графский двор, построенный в 1629 году. Надпись на стене говорит о том, что первоначально он принадлежал трансильванскому князю Габору Бетлену. Это небольшое одноэтажное здание с мезонином. К южному фасаду его со стороны двора впоследствии был пристроен портик в стиле ампира.

На этой же улице на углу находится второе древнее светское здание — Львиный двор. Это массивное двухэтажное здание со сводчатыми потолками и толстыми стенами, построенное в конце XVII века. Первоначально

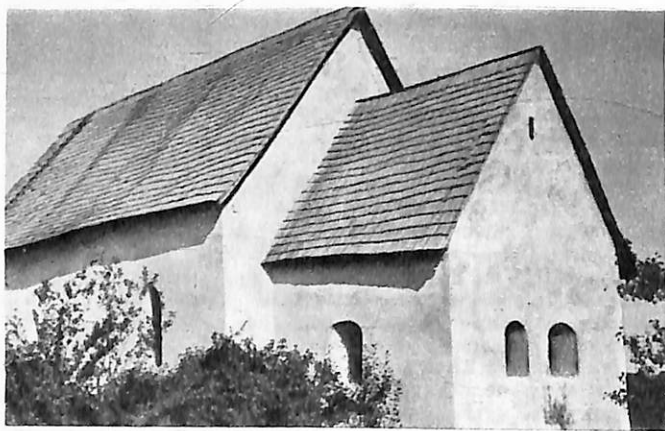
Львиный двор был гостиницей, получившей свое название от барельефа льва над главным входом.

В богатых селах Береговщины сохранилось несколько интересных памятников храмового каменного зодчества XIII—XIV веков. Плодородные земли и древний торговый путь, проходивший долиной Тисы, способствовали укреплению экономики края и одновременно обеспечивали ему прямую связь с центрами культурной жизни страны. Время XIII—XIV веков для этой части Закарпатья было относительно спокойным, поэтому даже в небольших селах возводятся каменные храмы в романском и готическом стиле. Конечно, они мало похожи на монументальные постройки, подобные тем, что были сооружены в Эстергоме или Пече. Здания эти представляют тип двухчастного храма с высоким щипцом, выработанный в Центральной Европе в XII веке. Эти храмы просты и соразмерны человеку, потому при взгляде на них нас не покидает чувство уюта и интимности.

Недалеко от Берегова, у подножия вулканических гор, раскинулось село Змиивка. Народная легенда говорит о том, что на месте этого села в далеком прошлом был скит, последнее убежище венгерского короля Соломона, сына короля Андрея и Анастасии Ярославны, дочери киевского князя Ярослава Мудрого. Соломон, уйдя в скит, решил искупить свой грех — пролитую в междоусобных войнах кровь. Он построил часовню на невысоком холме, окруженном с трех сторон естественными преградами, обрывами. С четвертой стороны здание ограждено искусственным рвом. В древности постройка была обнесена также оборонительной стеной. Как и в Горянах, теперь сооружение состоит из двух построек, апсиды-часовни XII века в романском стиле и готического нефа XIV века.

Миниатюрные размеры и в то же время непропорционально толстые стены постройки вызывают ощущение, что возведен он не каменщиком, а древним гончаром, привыкшим кончиками пальцев любовно отделывать внешние формы. Такое впечатление усиливается при взгляде на небольшие врезанные в стену узкие окна нефа с мягкими стрельчатыми арками. И хотя постройка состоит из двух одновременных частей, она не потеряла своего единства, цельности. Все это придает особое художественное обаяние этому скромному памятнику провинциального каменного зодчества XII—XIV веков.

На стенах костела сохранились росписи XIV века, по своему стилю родственные фрескам нефа церкви в Горянах. К сожалению, сейчас можно увидеть только незна-

Село Змиивка. Готический костел. XIV в.

чительную их часть — сцены «Явление Христа Марии», «Моление о чаше» и «Святая Екатерина», раскрытые в 1911 году. Они отличаются исключительно тонким рисунком, лица написаны в золотисто-розовых тонах. Нежный красноватый цвет контурной линии напоминает рисунки итальянских мастеров, сделанные сангиной. В позах ангелов чувствуется полет, фигуры и лица их несколько стилизованны. По всей вероятности, некогда такими росписями были покрыты все стены костела.

С северной стороны костела сохранились остатки фундамента сакристии, примыкавшей к двум остальным постройкам костела. Во время ремонта 1889 года под полом сакристии, а также абсиды были найдены следы захоронений.

В трех километрах от Берегова, обогнув один из холмов вулканического нагорья, мы попадаем в большое село Мужиево. Уже из-за поворота у въезда в село виднеются с правой стороны в двухстах метрах от шоссе развалины

Село Мужиево. Западный портал костела. XIV в.

одной из самых красивых готических построек Закарпатья — костела XIV века, разрушенного поляками в 1657 году. Постройка состоит из нефа и абсиды, разделяет их полуциркулярная романская «триумфальная» арка. Передний фасад костела образуют монументальная стрельчатая арка портала и остроконечный фронтон. Строители этого храма показали умение в совершенстве обрабатывать камень, преодолевая его инертность и неподвижность. Тонкость профилировки валиков портала, динамизм их линий, изящность декора окон в соединении с исключительным мастерством кладки стен заставляют забыть о том, что перед нами только остов бывшего сооружения...

По свидетельству видного исследователя архитектуры Закарпатья В. Залозецкого, в начале 1920-х годов на стенах костела имелись еще следы фресок, над аркой можно было различить лик Спасителя, а по сторонам — лики святых. В настоящее время следов фресок уже нет.

В центре села, на склоне горы, стоит еще один костел XIV—XV веков и рядом с ним деревянная колокольня. По своим размерам он меньше разрушенного. Стены костела укреплены контрфорсами. В архитектуре его обращает на себя внимание изящный декор стрельчатых окон на южной стороне.

За Мужиевом сворачиваем на дорогу, ведущую в древнее село Вары, расположенное у слияния речки Боржавы с Тисой. Здесь сохранились остатки древней славянской крепости, разрушенной венграми во время их вторжения в Дунайскую равнину.

«В 903 году, после Рождества Христова, вождь Арпад, выслал свои войска, весь край между Тисой и Водрогогом простирающийся, аж к Угоче со всеми его жителями себе подчинил и крепость Боржоа на третий день осады занял», — так скупо сообщает венгерский хронист о захвате кочевниками-уграми славянской крепости у Боржавы.

С укреплением венгерских феодалов в верховье Тисы боржавский замок был восстановлен, на месте первоначального славянского укрепленного городища возникли постройки из камня и кирпича. Замок расположен был на южной окраине села Вары, на правом берегу реки Боржавы, недалеко от впадения ее в Тису. Когда он был разрушен, неизвестно. Вероятнее всего, во время междоусобицы после смерти последнего представителя династии Арпадов, в начале XIV века. Последние его остатки, небольшая башня и часовня, были разрушены польскими войсками в 1657 году. До наших дней сохранились валы славянского городища.

Мы вновь возвращаемся на шоссе, бегущее вдоль береговского холмогорья. Исполненные музыкальности, ритмические линии силуэтов вулканических холмов чудесно вырисовываются на фоне голубого неба. Глубокие выемки каменных карьеров в теле холмов издали выглядят как пастозные мазки на прекрасном полотне.

Проезжаем село Доброселье и у моста, где речка Боржава, широкой дугой огибая крутой выступ холма, выходит на равнину, встречаемся еще с одним памятником готики. В водах Боржавы колеблется отражение мощной серой квадратной башни готического костела XIV века.

Костел в Доброселье в сравнении с каменными храмовыми постройками в Змиивке и Мужиеве поражает своей монументальностью и стройностью. По своим размерам он превышает почти в два раза все выше описанные костелы. В плане он аналогичен постройкам в Змиивке и Мужиеве, прямоугольник нефа большой стрельчатой

*Село Доброселье.
Готический костел. XIV в.*

аркой отделен от алтарной апсиды. Южная стена нефа прорезана двумя стрельчатыми окнами. К западной стене его примыкает небольшое помещение, над которым возвышается башня. Она достаточно высокая, трехъярусная и почти вдвое превышает общую высоту костела. В глаза бросается массивность стен и отсутствие всякого их членения. Каждый ярус башни с западной стороны прорезан окном, в верхнем ярусе такие окна имеются с каждой стороны. Они небольшие, узкие щели их еще больше подчеркивают массивность стен башни.

Этот костел также был сожжен в 1657 году. Тогда обвалились крестообразные своды апсиды, сгорел шпиль башни. Позже костел был восстановлен, но башня получила уже барочное завершение.

Всюду на нашем пути по равнинной части Закарпатья встречаем следы похода польских войск 1657 года. Смертоносным ураганом пронесли по этой земле рейтары князя Любомирского. Слишком жестокой была их месть

*Село Доброселье. Башня
готического костела. XIV в.*

*Село Кvasово. Руины
замка. XII—XIII вв.*

за неудачный поход в Польшу трансильванского князя Дьердя Ракоци II. Их путь был отмечен пламенем пожаров, руинами сел и городов, усеян трупами невинных мирных жителей.

У моста через Боржаву мы сворачиваем на проселочную дорогу. В четырех километрах отсюда на берегу реки возвышаются в селе Кvasово руины древнего замка. Этот замок возник в XII—XIII веках, в ту эпоху, когда крепостные платили своему господину натурой, вследствие чего он вынужден был жить в непосредственной близости от них.

В то время «когда ни на минуту не высыхал нож от крови», феодал искусно прячет свое гнездо на одном из отрогов Береговского горного массива. Со стороны равнины он прикрыт одиноким холмом, что стоит среди поля. Это давало возможность владельцу замка внезапно нападать на караваны, шедшие по древнему «соляному пути» из Мараморша в Венгрию. Одновременно он кон-

тролировал выход из Боржавской долины. В XVI веке владелец замка Павел Матузнай, верный традициям своих предшественников, часто тревожил со своими гайдуками других феодалов округи, нападал на их поместья, грабил и уводил крестьян. Жалобам на него не было конца. В результате венгерский сейм по ходатайству дворян Бережского комитата постановил в 1564 году: замок разрушить, имущество владельца конфисковать в пользу казны.

...Ранним морозным утром дворянское ополчение и отряд императорских войск под командованием генерала Лазаря Швенди подступили к стенам Квасовского замка. Протрубили трубачи, и солдаты первыми бросились к воротам! А замок молчал... Шум толпы как-то сам по себе вдруг затих, и она в нерешительности остановилась. И только скрип ворот, настежь раскрывшихся от резкого порыва ветра, вывел всех из оцепенения. Они поняли: замок пуст! Владелец его успел уйти со своей челядью туда, вверх по реке Боржаве, в горы, где его мог приютить соратник по разбойничьему промыслу в замке Бронька. Все с остервенением бросились рубить и ломать то, что осталось во дворе и боковых помещениях замка. Солдаты рыскали по замку и хватали все, что можно было унести с собой. Затем замок подождли со всех сторон. Отблески пламени играли на доспехах солдат. Немеша, шляхтичи из окрестных имений, с радостью смотрели на бушевавшее пламя, сдерживая испуганно фыркавших лошадей. Никто и не заметил, как наступили ранние зимние сумерки. Тут все засуетились и стали расходиться, каждый к своему, уютно мерцавшему вдали огоньку...

До нашего времени сохранилось немного от Квасовского замка. Постройки его в плане образуют неправильный треугольник. К внутреннему двору с двух сторон примыкали жилые помещения. Они, очевидно, были двухэтажными. Со стороны Боржавы замок защищала только стена внутреннего двора, ставшая продолжением естественного обрыва, а также небольшие угловые башни. С трех сторон замок был окружен внешней стеной, разобранной местными крестьянами для их домов, а также сухим рвом. Это был типичный рыцарский замок эпохи средневековья.

От Квасовского замка возвращаемся на шоссе. Оно резко сворачивает на юго-восток. Холмы остаются позади, кругом тянется бесконечная равнина, горизонталь которой нарушается только черными свечами пирамидальных

тополей. Далеко на северо-востоке синее волнистая полоска гор.

В 22 километрах от Берегова, не доезжая до села Виллок, мы сворачиваем в село Четово, в котором уже издали виднеется острый шпиль деревянной готической колокольни. К костелу подъезжаем со стороны апсиды и, только подойдя к нему вплотную, мы замечаем, что здесь не одна постройка, а две, расположенные на одной оси. Каменный готический костел XV века, состоящий из апсиды и нефа, обрывается высоким треугольным фронтоном.

Деревянная же колокольня, поставленная вплотную к нему у фронтового фасада, построена в XVIII веке.

По своим архитектурным формам колокольня напоминает оборонительные башни Чехии, Германии. Нижний ярус башни шире верхнего и отделен от него наклонной крышей. В оборонительных башнях такая крыша имела функциональное назначение, от нее отскакивали бросаемые на осаждающих сквозь отверстия-машикулы в полу галереи различные предметы. В колокольне же в Четове галерея-подсебетье и наклонная крыша имеют уже чисто декоративный характер.

Одновременно с постройкой колокольни в 1753 году был расписан неф костела. Росписи в апсиде сделаны 20 лет спустя. Плоский потолок нефа разделен на 60 квадратов, в каждом из них нарисована орнаментальная композиция в народном стиле на белом, черном и охристо-красном фоне. Такое оригинальное перекрытие нефа воспринимается как пестрый ковер, сотканный руками народных рукодельниц.

Из Четова мы продолжаем путь по шоссе.

А впереди снова вырастает силуэт причудливой вершины. Это древний вулкан — Черная гора, весь изрезанный террасами виноградников. У подножия его перед нами вырастают красные крыши города Виноградова.

В древности он назывался Угочей и был центром самой маленькой в Венгерском королевстве Угочанской жупы. Городом Виноградово стало в 1262 году, согласно грамоте венгерского короля Стефана V. Своего расцвета в период средневековья город достиг в XIV—XV веках. В 1329 году королем Карлом Робертом он был объявлен коронным городом. Здесь были поселены немецкие колонисты, в основном ремесленники, виноградари, город стал крупным торговым центром на «соляном пути». Жители его добились широких прав у короля, нуждавшегося в борьбе против магнатов в поддержке свободных городов. О зна-

чений его в то время говорит тот факт, что в грамоте первой половины XIV века указывалось, что «город Кронштадт (в Трансильвании. — *Прим. авторов*) получает те же права, которыми пользуются жители Севлюша» (венгерское название Виноградова). Упадок города наступает в период турецких и антигабсбургских войн XVI—XVII веков.

Силуэт города определяет колокольня Вознесенского костела, построенного в XIV веке в переходном стиле. Несмотря на то, что строитель этого храма использует достижения готики (в частности, стены костела, поддерживавшие свод, укрепляются мощными контрфорсами), он все еще в значительной мере обеспечивает прочность конструкции за счет инертной тяжести больших масс камня.

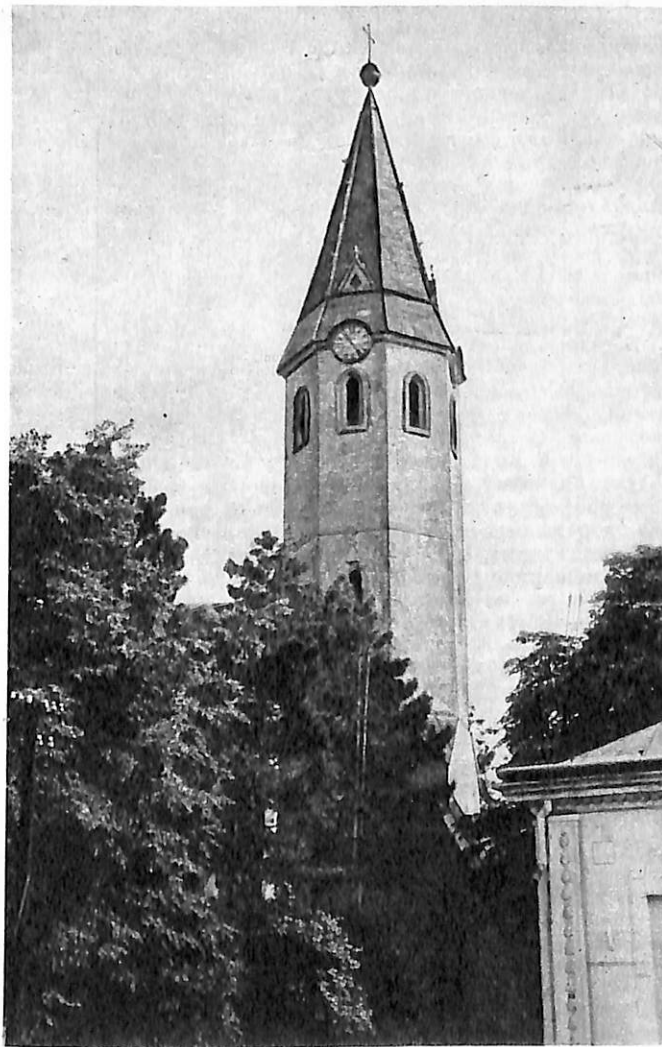
Интересно оформление переднего фасада храма. Здесь архитектор органически соединяет элементы романского зодчества, отчетливо видимые в архитектуре колокольни

*Виноградово. Колокольня
Вознесенского костела.
XIV в.*

костела, с достижениями готики. Контрфорсы, укрепляющие стены нижнего четырехгранного яруса башни, выполняют не только функциональную роль, но одновременно оформляют передний фасад храма. Зодчий поставил их по углам колокольни, по диагонали ее квадрата. Вследствие этого они как бы образуют створки раскрытых ворот, в центре которых находится стрельчатая арка портала.

Такое решение фасада придает постройке не только устойчивость, но и усиливает динамичность ее композиции. В верхней части косой срез контрфорсов продолжается до перехода четверика нижнего яруса в восьмерик двух верхних ярусов башни. Тем самым зрительно увеличивается высота колокольни, создается впечатление, будто контрфорсы выталкивают ее, стремясь оторвать от тяжелого четверика нижнего яруса. Гладкие грани двух верхних ярусов прорезают романские окна с полукруглым завершением.

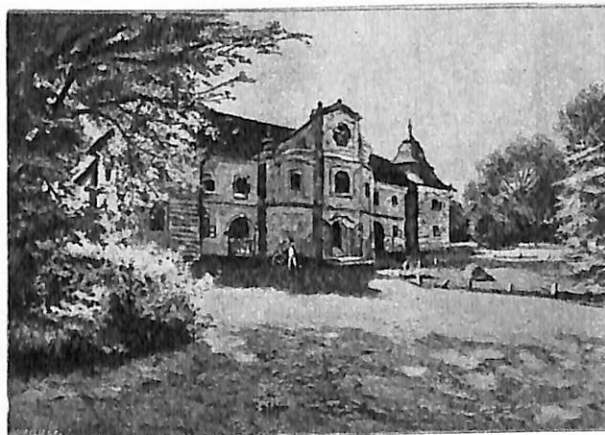

Мощная дуга контрфорса упирается с севера в угол нефа, такая же была с южной стороны, где до сих пор заметны следы фундамента. Южный портал украшен богатой орнаментикой, родственной готической орнаментике береговского собора. Интерьер храма испорчен более поздними перестройками. По обеим сторонам триумфальной арки сохранились фрагменты галереи, которую некоторые искусствоведы считают весьма интересным явлением зодчества того времени. Галерея отличается исключительной чистотой форм, что свидетельствует о том, что костел уже существовал в XIV веке. В настоящее время наиболее ценным в интерьере является сень над ковчегом XV века. Готическая каменная резьба ее самая красивая в Закарпатье.

Богата и сложна история этого костела. В пору расцвета города он был его общественным центром, куда горожане приходили не только на богослужение, но и собирались для решения жизненно важных для города вопросов. Из башни костела часовой следил, не приближается ли неприятель к городу. С начала XVI века костел находится в центре водоворота реформации и контрреформации. Его захватывают протестанты. Но после поражения трансильванских князей, покровителей протестантизма, костел в 1690 году захватывают монахи-францисканцы, а в 1748 году епископ из Эгера, Баркоци, передает его католикам. В память об этом над главным порталом выбит герб епископа.

На противоположной стороне улицы Мира находится другой памятник храмового зодчества — монастырь францисканцев, построенный в XIV веке. Фронтонный фасад и интерьер монастырского костела были перестроены в середине XIX века, так что здесь не сохранилось ничего от ранней постройки. В своем первоначальном виде остались только кельи со сводчатыми крестообразными потолками.

В нескольких сотнях метров от монастыря францисканцев, по дороге к Черной горе, в тенистом парке расположен один из самых древних памятников дворцовой архитектуры Закарпатье — дворец барона Перени, построенный в конце XIV века. Король пожаловал барону земли в этих краях в конце XIV века вместе с замком Канков на Черной горе, одновременно назначив его управителем мараморошских соляных копаден. С тех пор род Перени становится самым богатым в Угоче. Барон уже не довольствуется только замком Канков с его тесным пространством, он строит свою новую резиденцию — дво-

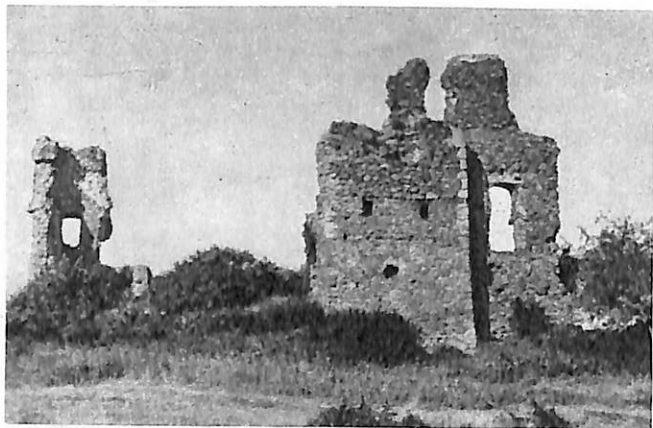

*Виноградово.
Дворец XIV века. Гравюра
Г. Морелли*

рец в Виноградове, откуда феодалу удобно было управлять своим огромным имением. В случае же опасности он мог укрыться за мощными стенами старого замка.

Архитектура дворца необычайно проста. Это прямоугольное здание с квадратными башнями по углам. Массивные стены его возведены из камня. Комнаты сравнительно узкие с низкими сводчатыми потолками.

Значительной перестройке дворец подвергся в XVII веке, в эпоху барокко. Из богатого арсенала помпезного пышного барокко здесь мы найдем сейчас только некоторые детали и то в основном во внешнем оформлении здания. Так, фасад его был украшен высоким выпуклым фронтоном с лепным гербом баронов Перени. Центральный зал дворца украсила фреска с изображением Агасфера и Эсфири. Угловые башни здания были покрыты приятного силуэта плавно изгибающимися гонтовыми крышами. Вокруг дворца возникает его природное дополнение — обширный парк с экзотическими деревьями.

*Виноградовский замок.
XII—XIII вв.*

Мы выходим из ворот и направляемся к Черной горе, где на одном из скалистых уступов видны развалины древнего замка. До нас замок дошел сильно разрушенным, поскольку стены его стали местом добычи строительного материала для виноградных террас на Черной горе. Он имеет форму четырехугольника с массивными квадратными башнями по углам. До сих пор сохраняются фрагменты двух из них.

О его истории известны лишь немногие, довольно скудные данные. Впервые упоминается он в венгерской хронике Анонима в связи с вторжением венгров в Дунайскую низменность. В то время он был резиденцией местного славянского феодала. В XI веке с включением этой части Закарпатья в состав Венгерского королевства он превращается в рыцарский замок. В начале XIV века его владелец оказался в коалиции феодалов, которая выступила против нового короля Карла Роберта. Во время штурма замка королевскими войсками он сильно постра-

*Сторожевая башня
Корольевского замка*

дал. Король велел его восстановить и пожаловал королеве Марии.

В XV веке Виноградовский замок находится уже во владении барона Перени, который с постройкой дворца в Виноградове передает его монахам-францисканцам, превратившим его в монастырь. Но спустя сто лет, в период реформации, его потомок стал протестантом и беспощадно изгонял католических священнослужителей из своих владений. В 1556 году он напал со своими людьми на францисканский монастырь. Сопrotивлявшихся монахов приказал убить, а тела их бросить в замковый колодец. Против Перени был выслан отряд императорских войск под командованием Телекеши, который штурмом взял и разрушил Виноградовский замок в 1557 году.

Интересное преломление нашло это событие в народном творчестве. В легенде говорится, что магнат Перени разрушил монастырь францисканцев в наказание за то, что монахи завлекли туда его дочь и заточили в подзе-

мелье. Освободить ее помог один странник, но к тому времени она была уже больна и вскоре скончалась...

От Виноградского замка идем к паромной переправе через Тису. Уже отсюда виднеются на продолговатой скале в долине реки Тисы, где она оставляет горный край, развалины когда-то мощного Королевского замка. Серые, с фиолетовым оттенком стены башни, венчающей изрезанный виноградными террасами холм, создают романтическую картину на фоне голубого закарпатского неба.

В XII веке венгерский король, часто приезжавший в эти края на охоту, велел построить на одиноком холме *domus regalis*, как говорится в древней грамоте. Это был вовсе не замок и не укрепление, а просто деревянный дом. Отсюда и венгерское название села Киральгаза — дом короля. И только после татарского нашествия, когда король решил возложить охрану рубежей на отдельных магнатов, закрепив за ними соответствующие владения, на холме в Королеве возникает укрепленный замок. Постепенно из небольшой крепости на «соляном пути» он превращается в могучую феодальную резиденцию.

В начале XIV века замок выдержал длительную осаду войск короля Карла-Роберта, преследовавших по пятам участников магнатской фронды. По приказу короля сильно разрушенный замок был вновь восстановлен. В конце XIV века замок в Королеве также переходит к барону Перени. Но прежние его владельцы, валашские воеводы, оказались неуступчивыми, они не только не отдали Королевского замка, но еще и нападали на Перени в его замке в Виноградове. Только с помощью королевских войск и при поддержке князя Корнатовича Перени удалось укрепиться в Королеве. Но и это не сломило потомков валашских воевод. Они затеяли судебный процесс против Перени, длившийся целое столетие, но и этот проиграла, и замок в Королеве в XV веке окончательно был укреплен королевской грамотой за Перени. Постоянные стычки заставили его укрепить замок. С целью его обороны была построена мощная наблюдательная килевидная башня на южной оконечности скалы.

В 1514 году во время восстания под руководством Дожи крестьяне Королева и окрестных сел напали на замок, но, узнав, что его владелец идет из Хуста с отрядом войск хустского замкового гарнизона, сожгли хозяйственные постройки вокруг замка и ушли в горы. Впоследствии он принял участие в битве с турками в 1526 году под Могачем, где и погиб. В замке в Королеве осталась его жена Екатерина Франгепан с детьми.

В XVI—XVII веках Перени считались сторонниками антигабсбургского направления, поэтому между ними и австрийскими властями возникали постоянные трения. После крупного антигабсбургского заговора, в котором принял участие хорватский магнат Франгепан, находившийся в родственных отношениях с владелицей замка, императорские войска заняли Королево, но замок не тронули. Он был разрушен позже, в 1672 году, по приказанию императора Леопольда, после очередного крупного заговора под руководством другого хорватского магната Зрини, хотя участие в заговоре Перени и не было доказано.

Замок в Королеве построен на двух террасах. Основное сооружение возведено на самой высокой части скалы. Оно имеет форму квадрата с закругленными углами. Посередине расположен внутренний дворик со следами колодца. В северо-западном углу выступает наружу круглая башня. К главному сооружению прилегает более низко расположенная часть постройки, имеющая форму прямоугольника. На юго-восточном конце холма стоит угрюмая килевидная сторожевая башня.

Удивительное впечатление производят развалины замка с восточной стороны. Голая стена обрывистой скалы и на ней килевидная башня кажутся остовом разбитого бурей корабля, который вот уже несколько столетий несетя по волнам времени...

В восьми километрах по шоссе, на юго-запад от Королева, расположено древнее село Чернотисово. В королевской грамоте 1364 года жители его именуется «*hospites postri*». Так обычно древние грамоты называли немецких колонистов. В этом селе сохранился готический костел XIV—XV веков. Он состоит из двух разных по времени построек, алтарной абсиды XIV века и нефа XV века. Наиболее заметной частью костела является башня, которая своей массивной, компактной формой близка к башне костела в Доброселье. Портал образует ряд уходящих в глубину валиков. При первом же взгляде бросается в глаза различие в декорировании окон нефа и абсиды. Южная стена нефа прорезана простыми стрельчатыми окнами. Окна алтарной абсиды совершенно иного характера — небольшие, узкие, с остатками трилистника.

В северной стене небольших костелов XIV—XV веков в Закарпатье, как правило, окон вообще не делали, поэтому оставалось большое пространство для росписей. В костеле в Чернотисове вся эта стена была покрыта фресками, отдельные сцены располагались горизонтальными

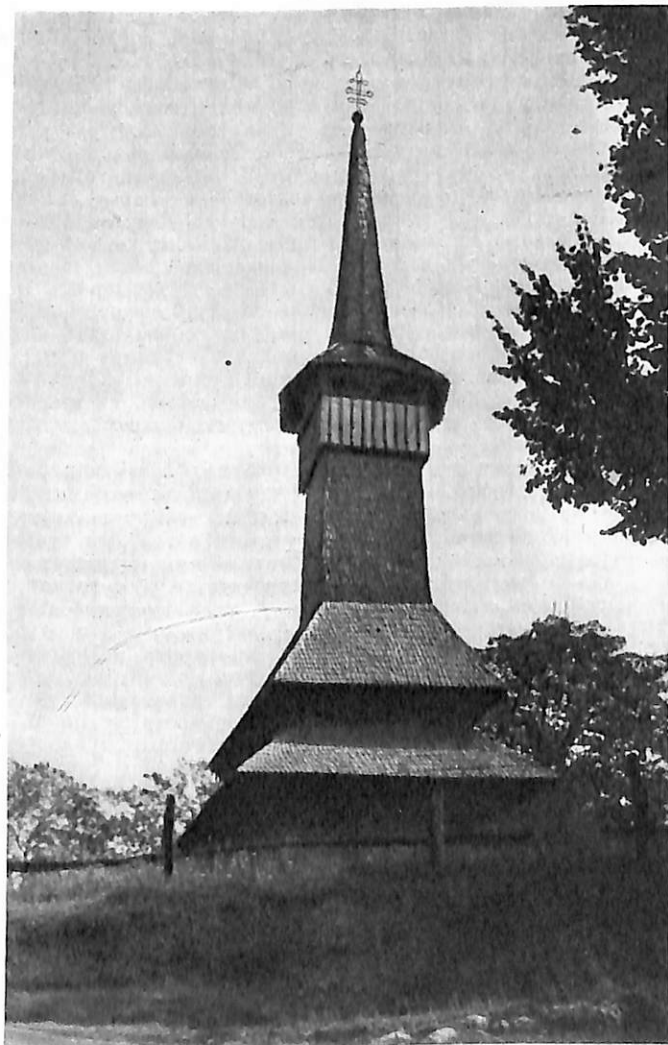
рядами, так что стена костела напоминала экспозицию современной картинной галереи. Фрески костела сильно пострадали в период реформации в XVI веке, а спустя сто лет костел был подожжен польскими солдатами. В начале XIX века буря сорвала с него крышу, и только в середине XIX века он был отремонтирован, когда фресками заинтересовался сатмарский епископ Гаас. Последнее описание фресок, обнаруженное нами, сделано венгерским искусствоведом Э. Генсльманом в 60-х годах XIX века. Он пишет: «От западной сцены остались незначительные следы, в восточной части отсутствует верхний ряд изображений, в центре различимы еще две сцены «Купание Христа в Иордане» и «Чудесный улов»... В нижнем ряду расположены четыре одинаковой высоты изображения католических святых. Фрески выдержаны в красно-коричневых тонах, при полном отсутствии зеленого и голубого. Рисунок их уверенный, не столь уж строгий, движение фигур — непринужденное, естествен-

*Село Новоселица.
Успенская церковь.
1654—1656 гг.*

ное, но всегда сдержанное. Композиция фресок сделана с поразительной полнотой. Все это, включая и костюмы того времени, говорит о том, что они были созданы в конце XV века». Следует добавить, что, судя по описанию Генсльмана, фрески были однотипны с росписями нефа церкви в Горянах и костела в Змиивке. Вероятно, здесь работала одна группа мастеров. В настоящее время вся стена костела в Чернотисове, где раньше были фрески, забелена. Причиной этому послужило, вероятнее всего, то, что ни у одной из фигур фресок не сохранилось головы. Было бы целесообразно попытаться вновь раскрыть, хотя бы частично, эти фрески, ибо это очень интересный памятник готической живописи XV века.

В пяти километрах на юг от Королева поднимается предгорье Гутинского хребта. У подножия одной из его вершин (Фрасино), среди холмов, сплошь покрытых виноградниками и садами, раскинулось село Новоселица. В центре его на невысоком холме расположен построен-

ный в 1654—1656 годах небольшой храм со стремительно поднимающейся ввысь квадратной башней, увенчанной острым шпилем, возносящимся в голубой небосвод.

Здесь мы встречаемся с первым памятником деревянного зодчества, несущего в себе элементы готики, свидетельствующие о взаимосвязях украинской архитектуры с архитектурой соседних народов — словаков, чехов, венгров, немцев, в частности с немецкой каменной готикой Трансильвании. Но народные зодчие Закарпатья заимствовали только то, что подходило характеру дерева и что соответствовало их представлениям. Поэтому художественные формы в данном случае неразрывно были связаны с техникой. Исследователь зодчества Марамороша и Трансильвании Г. Ионеску пишет об этих памятниках: «Понимание возможностей, заложенных в свойствах дерева и приемах его обработки, умелая и искусная интерпретация готических образцов помогли народным зодчим Марамороша создать свежие и легкие формы, не имеющие себе равных в каменной готической архитектуре Трансильвании».

Высокая двускатная крыша, стройная башня над бабинцем с подсебьем, шпиль, естественно вырастающий из небольшой восьмигранной крыши, устремленность ввысь всей постройки — все это говорит о том, что храм в Новоселице вовсе не является неуклюжим подражанием, ибо в нем действительно чувствуется дух готики. Большая тень низкого опасанья, темный цвет дубовых бревен придают зданию таинственный вид.

Если во внешнем образе Успенской церкви в Новоселице чувствуется напряженность взлета, стремительность, то в интерьере храма, где сохранилось трехчастное деление, воцаряется атмосфера торжественности и покоя. Здесь внимание привлекают несколько старых икон, но наибольшую художественную ценность имеют остатки росписей в нефе, сделанные в 1662 году. Из них хорошо сохранилась только сцена «Страшного суда». Народный художник, не лишенный чувства юмора, использовал эту тему для сатирического изображения пороков общества и тех, кто, по его представлению, заслужил публичного осмеяния. Наиболее интересен «Рай», изображенный в виде ренессансного замка с башнями и бойницами.

Мы покидаем просторы Дунайской равнины с их золотыми пшеничными нивами, перед нами вновь вырастают горные вершины Карпатских хребтов, неповторимо прекрасные в своем легком одеянии, манящие прохладой лесов и таинственным полумраком просек...

3. Хуст

Хустский замок расположен на вершине горы Хассана. Стены его высоки и толсты, и мощью своей он похож на крепость Искендер, ибо высота башен его достигает небес.

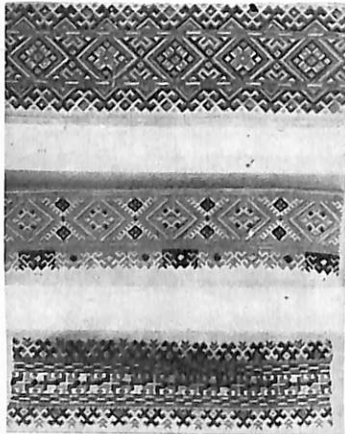
Из записок турецкого путешественника XVII века

Эвлия Челеби

От Новоселицы мы вновь возвращаемся в Королево и по железной дороге продолжаем свой путь на юго-восток. Дальше дорога ведет через узкую теснину, Хустские ворота, которую когда-то прорвала Тиса. Вплотную к ней с одной стороны подходят вулканические горы, а с другой — тянутся вершины Гутинского хребта. Мы приезжаем в самую интересную часть Закарпатья — Мараморош!

Мараморош — это звучное и таинственное название юго-восточной части Закарпатья, оно как бы вобрало в себя журчание прозрачных вод Тисы, протекающей через всю территорию края. Богат Мараморош художественными памятниками. Уже у выхода из Хустских ворот виднеются романтические руины неприступной средневековой твердыни — Хустского замка. Живописно разбежались по холмам Вигорлата деревянные домики мараморошских сел, неизменным спутником которых является шпиль деревянных храмов. Колоритен народный костюм жителей Марамороша. Именно здесь самая нарядная, богатая по формам и яркости цвета народная вышивка.

Интересная картина представляется в базарные дни в Хусте, Тячеве, Тересве. Сюда приезжают жители окрестных сел в пестрых костюмах, с «бесагами» (мешками) из разноцветной шерсти, яркими «тайстрами» (сумками). Пожилые женщины важно проходят в широкополых соломенных шляпах, надетых поверх платка. Здесь можно увидеть изделия мараморошских гончаров, прекрасные домотканые ковры.

Вышивка из скрестностей
Хуста

Основу костюма в Марамороше все так же составляет длинная сорочка и передник, который здесь носит название «плат». Вся пышность и яркость вышивки сосредоточена на рукаве. Иногда это сплошная, широкая, многоцветная полоса, занимающая почти весь рукав; иногда это изящный, тонкой работы ромб с дополнительными фигурками по углам; иногда, наконец, сплошная одноцветная полоса красного, синего или коричневого цвета, узор которой удастся увидеть лишь при внимательном рассмотрении. Дальше, на восток Марамороша, вышивки более скромны. Но при всей их скромности они отличаются необыкновенным мастерством исполнения и тонким вкусом. Узоры мелки и изысканны, выполнены с удивительной точностью и совершенной аккуратностью, глаз ласкает общая мягкость орнамента и тонкое сочетание красок.

При всем этом вышивка костюма девушки отличается от вышивки костюма замужней женщины. В то время как

у девушки зашивается сплошь весь рукав, у замужней женщины вышивка делается только узкими полосками. Поверх сорочки носят передник и «лайбик» (безрукавку) всегда из одной материи, часто черного цвета, что еще больше выделяет красочность вышивок на рукавах. В районе Хуста кое-где еще встречается почти исчезнувший в других местах искусственный венок на картонном каркасе на головах девушек. Весь каркас покрывается искусственными мелкими цветами вперемежку со светлыми бусами.

Древнюю традицию имеет также мараморошская керамика. О цветной черепице, которой были покрыты постройки Хустского замка, упоминает в своих записках турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби. Почти в каждом доме традиционным украшением стен были расписные миски гончаров Драгова, Дубовинки, Хуста. Пестрые разводы их вносили праздничную нарядность в убранство интерьера сельского дома наряду с вышитыми рушниками, скатертями и покрывалами. Но время безжалостно меняет традиции и вкусы людей. Уже в 20-е и 30-е годы нашего столетия фабричная продукция вытесняет производство гончаров-кустарей. В их сфере остаются уже только самые традиционные сосуды для молока и воды («довжанки», «тоуканы», «пивняки») с древним рисунком линейного орнамента. Но именно эти мастера иногда интуитивно находят тот первичный стиль, который особенно ценен в народных изделиях.

Все произведения народного гончара по своему отличаются друг от друга легкой неровностью стенок, мягкостью силуэта, плавностью линий, что создает чувство живого, незримого присутствия человека.

Изделия закарпатских гончаров привлекают удивительной гармонией формы и декора. Их роспись, все эти концентрические круги, волнообразные линии, «елочки», «цветы», унаследована от далеких предков. Настоящий мастер никогда не заимствует для своих изделий орнаментику вышивки, резьбы по дереву, как это мы видим зачастую на продукции сувенирного цеха Хустского керамического завода.

В нескольких километрах от Хустских ворот, у слияния Рики с Тисой, открывается панорама широкой долины, посредине которой возвышается конусообразная гора с развалами Хустского замка. У подножия замковой горы раскинулся самый большой город Марамороша — Хуст. Он возник в XIII веке сначала как посад, и только в 1329 году король Карл-Роберт пожаловал ему права

коронного города. Хуст постигла в дальнейшем та же судьба, что и остальные города Закарпатья. Он переходил из рук в руки различных феодалов, в том числе и коронованных особ. Неоднократно подвергался полному уничтожению — татарами в XII веке, турками в XVI—XVII веках, австрийскими войсками во время антигабсбургских войн.

Сейчас это небольшой городок с живописными улочками и закоулками, от которых веет столетиями, с прелестными мостиками, перекинутыми над появляющейся совершенно неожиданно то тут, то там речкой Хустицей. Именно на ее берегу вы встречаете прекрасную виллу в стиле конструктивизм, а дальше — целый микрорайон, где архитекторы 30-х годов попытались соединить элементы чешского зодчества эпохи Ренессанса — аркады со срубом жилого закарпатского дома во втором этаже.

На улице Тихой, в центре Хуста, находится интересный памятник каменного храмового зодчества Закарпа-

Хуст. Елизаветинский костел. XIII—XIV вв.

тия — Елизаветинский костел XIII—XIV веков, относящийся к укрепленному типу храмов. Он окружен оборонительной стеной с двумя воротами, оформленными полукруглой профилированной аркой. Особенно живописно выглядит храм со стороны абсиды, стены которой поддерживают мощные контрфорсы.

В интерьере храма выделяется большая стрельчатая арка, отделяющая хоры от нефа, перекрытого крестообразными сводами. Ребра их богато профилированы и переходят в капители, которыми завершаются пилястры, расчленяющие стены.

Такого же оборонительного типа костел XIV века сохранился в селе Вышково, бывшем «коронном городе», что в 20 километрах от Хуста. Костел состоит из основного нефа и пятистенной абсиды. Бросается в глаза массивная кубическая основа нефа и конфигурация щипцовой крыши. По углам стены нефа поддерживают тяжелые контрфорсы.

Хустский замок.
XIII—XIV вв.

Отсюда, где бы мы ни были в Хусте, виднеется замок. Но прежде чем описать историю его строительства, мы расскажем прекрасную, но грустную легенду, связанную с этими древними руинами.

Первым владельцем замка, согласно преданию, был дворянин Хуст. Его спокойная жизнь в замке длилась недолго. Шел 1241 год... Обитатели замка еще ничего не знали о приближающихся ордах Батые. Наступил вечер. Стража уже хотела было поднять мост, как на взмыленном коне во двор замка влетел гонец короля и призвал Хуста присоединиться к королевскому войску, оставив в замке только необходимую для его защиты стражу...

После проигранной битвы с татарами на реке Шае Хусту удалось уйти невредимым. Мысль о том, что его близкие укрыты в замке в горах Марамороша, придавала ему силы и звала домой. Он не мог знать, что татары обманом проникли в замок, разграбили его и

сожгли, а жену его с сыном отдали в рабство, спасена была только его маленькая дочь.

Мальчик в рабстве вскоре потерял мать, а когда вырос, то попал во дворец хана. Там случай его свел со стариком, разговаривавшим на том же языке, на котором говорила с ним когда-то мать. Старик много рассказывал мальчику о далеком прекрасном крае, а потом вместе они решили бежать туда, в родные края.

Со времени татарского нашествия прошло почти два десятка лет. Хустский замок был снова восстановлен, только на одном из уступов горы стояла небольшая часовня... Хуст велел построить ее в память о своей жене и сыне и поклялся казнить каждого татарина, который появится в замке.

Дочь Хуста тем временем превратилась в красавицу. Однажды она отдыхала у часовни, когда вдруг тревожно заржал ее конь! Она оглянулась и быстро вскочила в седло — по лесной тропе к ним приближался хищник. Подгоняемый страхом, конь со всех сил рванулся вперед. Но тут из лесу выскочил стройный юноша и несколькими ударами кинжала убил зверя, преследовавшего девушку. Спасителем ее был не кто иной, как ее собственный брат, который как раз появился в этих краях вместе со своим седым другом. Старик, увидя родные горы, Хустский замок, от радости умер. Юноша похоронил своего наставника и пошел по дороге к замку. Именно в этот момент и потребовалась его помощь перепуганной девушке.

Во время борьбы зверь сорвал с юноши одежду и обнажил родимое пятно у него на плече. Сестра по нему узнала своего брата, и они, обливаясь слезами радости, застыли в объятиях. Тем временем подъехал управитель замка, тайно в нее влюбленный, и увидел девушку в объятиях юноши. В пылу ревности он поспешил донести хозяину о появлении татарина в замке. Разгневанный воевода, верный своей клятве, тотчас приказал отрубить наглому татарину голову. Слуги тут же схватили юношу и, несмотря на плач и просьбы девушки, поволокли его на скалу и отрубили голову, не ожидая воеводы. И девушка сходит с ума. Проклинает, плачет, рвет на себе волосы, обнимает мертвое тело казненного, с безумным смехом показывает всем родимое пятно, обвиняет подхвачившего отца в убийстве собственного сына. Как подкошенный падает воевода Хуст и на коленях подползает к трупу. В отчаянии хватает кинжал и вонзает его себе в сердце. Последний вздох — и владелец замка умирает... Девушка с распущенными волосами, в изорванном и

забрызганной кровью казненного брата платье стоит на месте страшной трагедии. Стоит и молчит, внезапно со страшным криком срывается с места и бежит во тьму леса...

Но каждый вечер с тех пор возвращается она сюда, на гору, названную с тех пор из-за невинно пролитой крови Красной, чтобы на месте, где похоронены ее любимый брат и отец, проплакать безутешно всю ночь до рассвета...

Письменных источников о возникновении Хустского замка не сохранилось. Другая народная легенда говорит о том, что этот замок построили разбойники. Ее как бы подтверждает само положение горы, у большого торгового пути, ведущего вдоль Тисы. Отсюда можно было безнаказанно нападать на купеческие караваны, шедшие по «соляному пути» Марамороша. Возможно, что на одинокой горе у слияния Тисы с Рикой действительно была какая-то небольшая разбойничья крепость, которая после взятия ее королевскими войсками заменена была замком феодала. Если же учесть, что в раннем средневековье и сам феодал не считал зазорным заниматься разбоем, то такой вариант возникновения Хустского замка вполне правдоподобен.

Торговый же путь вдоль Тисы был проложен задолго до возникновения Хустского замка. Соль в Марамороше, у Солотвина, добывалась еще во времена завоевания римским императором Траяном Дакии. В одном же из средневековых источников, Фульдских анналах, говорится о том, что в 892 году немецкий император Арнульф отправил особых послов к славянским племенам — белым хорватам, жившим в то время в Закарпатье, с просьбой, чтобы они не отправляли соль во враждовавшую с ним тогда Великую Моравию.

Венгерские короли заинтересованы были в регулярном поступлении доходов от мараморошских соледрудников. Потому и возникли на расстоянии каких-то 30—40 километров вдоль Тисы четыре замка. Самым неприступным из них был Хустский. С ростом его значения как основного военного укрепления Марамороша пришли в упадок остальные: Вышковский, превратившийся в развалины уже в XIV веке, а также Королевский и Виноградовский.

Наиболее вероятное время возникновения Хустского замка — вторая половина XII века, когда власть венгерских королей постепенно распространялась к предгорью Карпат. В этот период замок служил не только для охраны «соляного пути», но и в качестве мощного погранич-

ного укрепления, за которым простиралась «terra nullius», то есть «ничейная земля», как называли древние венгерские хронисты горную часть Закарпатья.

После татарского нашествия долина Тисы быстро заселяется, венгерские короли приглашают сюда также немецких колонистов. В результате в 1303 году образуется новая административная единица — Мараморошская жупа. Возросло и значение Хустского замка как центрального укрепления жупы. «Расположенный на высоком холме и холмами окруженный, замок имеет большое значение по двум причинам: во-первых, он охраняет край со стороны Польши, а во-вторых, является защитой соляных копален, которые ежегодно приносят большой доход», — говорится в грамоте того времени.

В Хустском замке, как коронном владении, размещается королевский гарнизон, что, естественно, потребовало его перестройки, укрепления. Начальник гарнизона кроме выполнения своих военных функций наделяется также высшими судебными полномочиями, он же является первым поджупаном.

В последней четверти XV века Хустский замок принадлежал королеве Венгрии. В начале XVI столетия он пережил бурю крестьянского восстания 1514 года. Гарнизон его приготовился к обороне, так как к восставшим крестьянам присоединилась и мелкая шляхта Мараморошской жупы. Но восставшие не осмелились напасть на сильно укрепленный замок. К тому времени внутривамповые постройки окружало мощное кольцо каменной кладки стен с высокими башнями.

А на горизонте было уже нашествие турок. Могачское поражение 1526 года и долгие годы споров, когда Хуст и замок поочередно переходили из рук в руки двух непрестанно воевавших сторон — австрийских императоров и трансильванских князей, вассалов Оттоманской империи. Каждая из них стремилась укрепить замок и обезопасить себя на случай столкновения. В результате в начале XVII века Хустский замок становится неприступной твердыней, прикрывавшей северные рубежи Трансильванского княжества.

Смутное время переживает Мараморош в середине XVII века. Трансильванский князь Дьердь Ракоци II забыл о своем положении турецкого вассала и наперекор плану султана выступил против Польши в 1657 году, где и потерпел полное поражение. Турция тут же заявила о его низложении. Началась длительная борьба между претендентами на княжеский престол. Мараморош в это

время опустошают орды крымских татар, отряды дезертиров разгромленной армии Ракоци, турецкие войска, войска враждовавших магнатских группировок, немецкие ландскнехты.

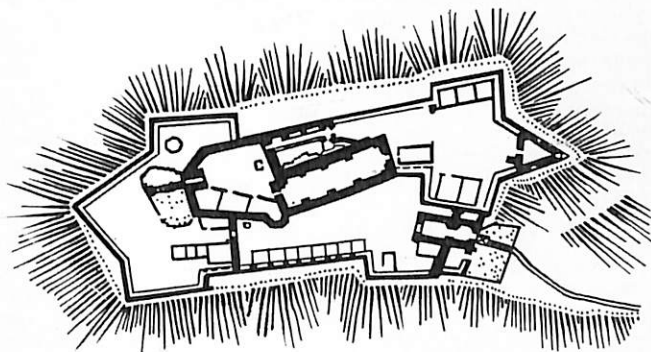
Островом спокойствия оставался лишь Хустский замок. На него не осмеливалась напасть ни одна из воюющих сторон. Сюда бежали многие семьи магнатов, и даже избранный на сейме Трансильвании против воли турок и при поддержке австрийского императора князь Янош Кемень отправил в Хустский замок свою семью. Для защиты его он послал туда немецкий гарнизон. Здесь же находился в заключении и противник Кеменя, выдвинутый на княжеский престол турками.

Варадинский турецкий паша узнал об этом и двинул свои войска к Хусту, предварительно известив о походе командующего турецкими войсками в Венгрии, великого визиря будинского Али-пашу. Преследуя по пятам трансильванского князя, Али-паша в 1661 году вторгся в Мараморш. В Хустский замок для переговоров он выслал своих представителей, среди которых был и известный турецкий путешественник и писатель Эвлия Челеби, оставивший потомкам десять томов своих записок. В одной из этих книг описывается и посещение им Хуста и Хустского замка. «Перейдя вброд Тису и отдохнув на ее берегу, мы сели на коней и по восточной окраине большой равнины, минуя прекрасные города, монастыри и села, сады и виноградники, приехали спустя восемь часов в Хуст...».

Турецкие пашы не осмелились штурмовать Хустский замок и ушли в Восточную Словакию. Каким же был Хустский замок в это время, если даже армия будинского визиря Али-пашы не осмелилась его штурмовать?

В замок вела по южной стороне холма вьющаяся серпантинном дорога. Подступы к замку на этой стороне прикрывались мощной килеобразной башней. Над внешними воротами с двух сторон возвышались квадратные башни, одна из которых, с левой стороны, прикрывала также и южную часть крепостной стены. На стенах были построены площадки для тяжелых орудий.

На внутренней стороне крепостной стены, во внешнем замке, вдоль дороги, ведущей к воротам внутреннего замка, находился и дом палача. Дальше дорогу преграждали средние ворота. Над ними также возвышались башни. Одна из них служила в качестве порохового склада и выделялась своей цилиндрической формой. Часть ее сохранилась до наших дней. За средними воротами дорога

План Хустского замка.
XVIII в.

выходила на площадку, западный край которой защищал могучий килеобразный бастион. Эта площадка служила в качестве учебного плаца; здесь стояло самое крупное орудие замка, выстрел из которого возвещал наступление нового дня, ночью же оповещал жителей Хуста о том, что из замка бежал дезертир. Мимо этих построек вела дорога во внутренний замок. Перед входом в него был выкопан ров шириной 8,5 метра, через который был перекинут подъемный мост. С его поднятием закрывался вход во внутренний замок. Сразу же за воротами у южной стены были расположены склады, жилые помещения и даже корчма.

Под одной из башен, защищавших вход во внутренний замок, был выдолблен в скале колодец глубиной 160 метров, обеспечивавший гарнизон водой во время осады.

К круглой пороховой башне примыкал большой зал со сводчатым потолком и сквозными дверями. Северную часть внутреннего замка охраняла квадратная Часовая

башня. Верхняя часть ее была из дерева, куполообразная крыша ее завершалась большим позолоченным крестом.

Зимние покои владельцев и коменданта находились на втором этаже внутреннего замка, рядом с Часовой башней, летние комнаты владельцев — с южной стороны замка. Из больших окон открывался вид на Тису и дорогу, вьющуюся под замком. Романтически, с восточной витиеватостью описал эту часть замка Эвлия Челеби: «Жилые постройки окнами обращены на запад и возвышаются друг над другом. Крыши его дворцов покрыты цветной черепицей, крыши церквей — железом, кресты на них из чистого золота и так сверкают, что у глядящего на них от мерцания глаза устают и вынужден он в уважении перед ними взор свой склонить. Бесконечны его сады и виноградники, превосходны его вода и воздух!»

На южном конце замка возвышалась башня, верхняя часть которой служила в качестве арсенала, средняя — часовни, а нижняя — порохового погреба. Эта часть замка называлась «Фердинанд», так как была построена по приказу императора Фердинанда I в 1550 году.

Сила укреплений Хустского замка для своего времени была весьма значительной. На стенах и башнях замка, согласно реестру 1669 года, было 50 орудий, несколько тонн пороха и 3 тысячи ядер. К тому же крутые склоны холма делали невозможным штурм замка одновременно со всех сторон, что существенно облегчало его оборону.

В конце XVII века, после длительных антигабсбургских войн, с подчинением Трансильванского княжества Австрии в Хустском замке был размещен австрийский гарнизон, так называемая «свободная рота», состоявшая из инвалидов турецких войн. На вооружении у них были мушкеты эпохи Тридцатилетней войны, то есть пятидесятилетней давности. Жалованье им выплачивали плохо, поэтому часто солдаты гарнизона занимались мелким воровством, в лучшем случае просили милосердия.

При таких порядках замок, естественно, пришел в запустение. К тому же по вине солдат гарнизона произошел взрыв пороха, уничтоживший в верхнем замке значительную часть построек. Поэтому по просьбе коменданта император Леопольд I распорядился, чтобы жупа своими силами произвела ремонт замка. В своем распоряжении от 9 февраля 1699 года он указывал, что «этот замок, как страж путей, ведущих из Молдавии, Польши и Трансильвании, для торговли, а тем самым и для жупы весьма важен, а потому не должен запустеть». Пять коронных

Руины Хустского замка.
Гравюра Л. Рохбока

городов — Хуст, Вышково, Тячево, Долгополе и Сигет — должны были поставить строительный материал и рабочих, чему они, естественно, воспротивились. Но император сломил их сопротивление, пожаловав городам... гербы! Хуст получил в свой герб две стрелы.

Не успели закончить ремонт верхнего замка, как разразилась Освободительная война 1703—1711 годов. Восставшие под руководством Яноша Маеша в середине августа 1703 года подошли к замку. Одному из руководителей отряда восставших удалось проникнуть в замок и установить связь с солдатами. Это оказалось не так уж трудно, так как комендант замка давно не выплачивал им жалованья. Солдаты убили коменданта и передали замок восставшим. Русский посол в Вене П. А. Голицын не преминул отметить это событие в донесении Петру I: «Ракоцы через изменников фортецию Густ взял».

Особой роли в Освободительной войне Хустский замок не играл. Об этом свидетельствует и инвентарь вооруже-

ния, составленный в 1706 году, — в это время в замке было всего лишь 12 орудий.

В 1706 году в Хусте собралась шляхта Трансильвании и провозгласила независимость княжества и низвержение Габсбургов, чем опередила решение Венгерского сейма 1707 года о лишении Габсбургов венгерской короны.

Но война затянулась, а положение в Марамороше ухудшалось. Неудачи войск куруцев вызвали появление в лесах банд дезертиров, которые стали настолько многочисленны, что средь бела дня грабили села и города. К тому же вспыхнула эпидемия. Вымирали целые села, и даже сборщики налогов не осмеливались появляться в Марамороше, как писал хронист.

После поражения армии Ракоци в Хустском замке в мае 1711 года снова появился австрийский гарнизон. Но восстановить замок уже не удалось, несмотря на все усилия властей. Разоренный войной край не мог дать необходимых для ремонта средств. В результате 29 июня

*Остатки килевидной башни
Хустского замка*

1749 года наместнический совет решил, что Хустский замок не имеет уже стратегического значения, и распорядился, чтобы военный материал оттуда был перевезен в Кошице.

Смертельный удар замку нанесла гроза, которая разразилась над Хустом в ночь на 3 июля 1766 года. В этот вечер черные, зловещие тучи нависли над замком. Уже два раза молния ударила в стены замка: один раз в корчму на северной стороне, другой — в дом коменданта. Ветер разносил тревожные звуки неустанно звонившего колокола на Часовой башне. Новая вспышка молнии, и звук колокола оборвался, ударом молнии убиты оба звоняря. По крышам построек верхнего замка побежали языки пламени. Все, кто мог, бросились тушить пожар, опасаясь, чтобы он не достиг порохового погреба в цилиндрической башне. Но случилось именно то, чего все боялись. Сверкнула молния, разорвав темноту неба, и вслед за ней раздался огромной силы взрыв! Все живое в замке

бросилось бежать. Но обломки башни загромодили входные ворота и пришлось соорудить лестницу, чтобы выйти из этого ада.

Пожар уничтожил все жилые помещения, пороховую башню, склады. Утро встретили уже не стройные башни, а черный столб дыма, вздымавшийся из горящих развалин. Замковая гора напоминала разбушевавшийся вулкан. Казалось, даже Тиса спешит унести свои мутные воды подальше от этого страшного места...

После пожара был сделан только самый необходимый ремонт казарм, чтобы остатки гарнизона имели крышу над головой. Наместнический совет приложил все усилия к тому, чтобы сохранить замок. Выделил некоторые средства для ремонта и пополнил гарнизон. Но всего этого было явно недостаточно для возрождения крепости. Замок с каждым годом все больше разрушался, жалобы гарнизона становились все более настойчивыми.

Императрица Мария-Терезия послала в 1773 году своего сына, будущего просвещенного монарха Иосифа II, осмотреть замок. Убедившись, что Хустский замок стал действительно ни к чему не пригодной руиной, он распорядился перевести гарнизон в Мукачевский замок.

С тех пор Хустский замок с треснувшими стенами, полуразвалившимися башнями стал быстро разрушаться. В 1798 году сильная гроза свалила башню в юго-восточной части замка, а в следующем году власти разрешили разобрать восточную часть его для постройки в городе католического храма, сюда же был перенесен и колокол Часовой башни, а также башенные часы.

Сегодня Хустский замок представляет собой только романтические развалины. В верхнем замке трудно даже угадать очертания былых построек. Буйно разросшиеся кусты и деревья внутри замка своими корнями разрывают его стены. Но все еще грозно высятся обломки килевидной башни с восточной стороны, могучая арка ворот встречает посетителя у входа в замок.

Все это производит сильное впечатление, в особенности когда к образу замка присоединяется открывающаяся с площадки перед входом во внутренний замок прекрасная панорама города, где на первом плане белеют стены готического костела, а дальше перед взором расстилается черепичная мозаика крыш домов. За ними простираются голубые дали долин Тисы и Рики, зажатые громадами гор Вигорлат-Гутинского хребта.

4. Памятники Марамороша

Пал на землю сумрак пеленой.
Тихо плещет Тиса предо мной.
Резвый Тур, что к матери ребенок.
К ней стремится горюлив и звонок.
С берега склонились над водой
Ивы да орешник молодой.
А в просвете рдеет сквозь верхушки
Тусклый шпиль в далекой деревушке.
Шандор Петефи

Спустившись с замка и обогнув гору, мы покидаем столицу Марамороша и направляемся дальше на юго-восток по Хустской котловине, окаймленной с юга за Тисой конусообразными вершинами Гутинского хребта, а с севера низкими отрогами Полонинских гор с долинами шумных рек — Теремли, Тересвы. Это о них писал Ольбрахт: «А внизу, в узких долинах рек, в зеленеющих кукурузными полями и желтеющих подсолнечниками селах живут оборотни; они только и ждут вечерних сумерек, чтобы, перекатившись через колоду, обернуться волком, а к утру опять принимают человеческий облик. Там лунными ночами молодые ведьмы скачут верхом, превратившись в коня спящего мужа, а волшебниц не надо искать за семью горами, за семью реками; на любом пастбище можно увидеть, как злая коздунья посыпает солью три коровьих следа, чтоб пропал удой, а к доброй можно в любое время зайти в хату и, отозвав хозяйку от конопляной мялки, попросить, чтоб она заговорила змеиный укус или, окунув хилого ребенка в настой из девяти трав, сделала его сильным и крепким». Родились эти строки чешского писателя под влиянием исключительно богатой народной мифологии сел, ожерельем нанизанных вдоль этих бурных речек. Здесь каждый лесок, каждая «зворина» (ущелье) населены всевозможными «нечистыми» и «чистыми», происхождение которых теряется в глубокой языческой древности наших предков. Не удивительно, что в этих селах сохранились и интересные памятники народного зодчества.

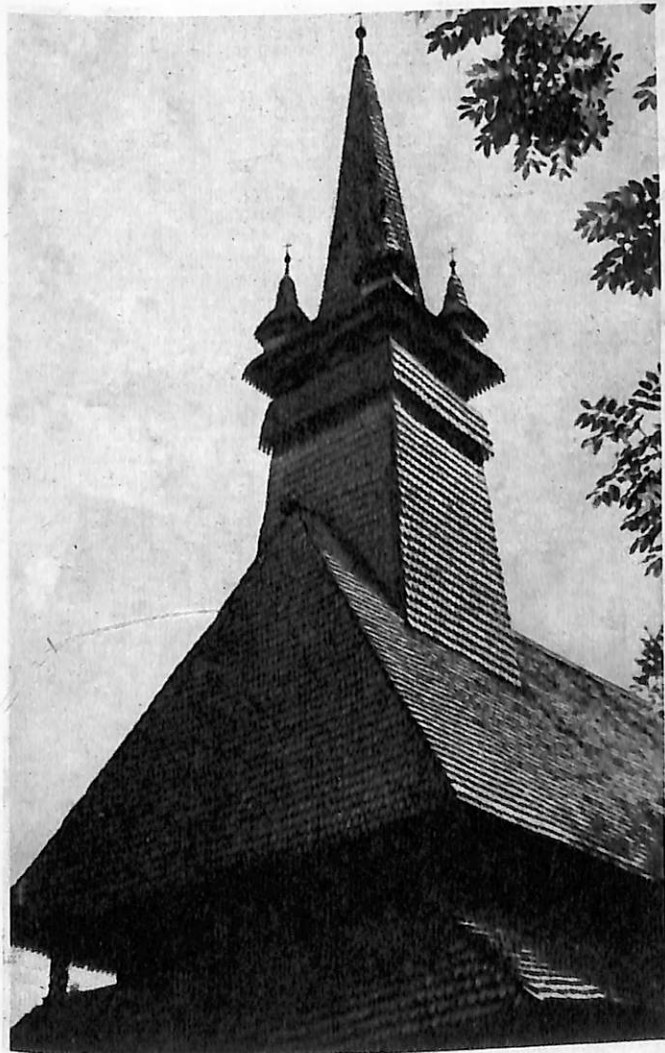
*Село Стеблівка. Церковь
Рождества. 1780 г.
Гравюра И. Ржержихи*

*Село Сокирница.
Николаевская церковь.
1709 г.*

В 12 километрах от Хуста мы останавливаемся в селе Стеблівка, где сохранился прекрасный памятник деревянного зодчества с элементами готики, церковь Рождества, построенная в 1780 году.

В храме Рождества в Стеблівке можно видеть, как готические формы приспособляются к материалу, дереву. Дух готики проявляется в вертикализме композиции постройки и устранении материального воздействия стены. Этот храм отличается чеканным геометризмом форм и идеальной правильностью контуров и линий. Мастер хорошо продумал соотношение между фронтоном и стройной башней. Остроконечный фронтон как бы начинает высотную композицию, воплощенную в шпиле. Переход к нему облегчают четыре маленькие стройные башенки. Все пять шпилей завершаются причудливым металлическим кружевом крестов.

В отличие от своего прообраза в камне готические деревянные храмы Марамороша не подавляют человека стро-

гостью очертаний. Суровый геометризм их объемов смягчается рельефностью фасада с его двойными галереями, напоминающими своей легкостью и четкостью ритма аркады ренессансных дворцов. Эти галереи с их резными столбиками с подкосами превратили весь фасад в оптическую игру темных отверстий и светлых арок, что придает храму приветливый, светский вид.

Из Стеблевки мы едем в соседнее село Сокирницу, где сохранился более древний храм этой группы. Расположенная на едва заметном возвышении на берегу ручейка, Николаевская церковь в Сокирнице построена в 1709 году, как гласит дата на срубе. Она более приземиста, и формы ее немного тяжеловесны, крыша шире и поэтому не столь резко вздымается вверх, как в стеблевском храме. На фасаде бросаются в глаза остроконечные окна, в которых чувствуется влияние готической стрельчатой арки. Рядом с церковью находится и колокольня, формы которой взяты у бойковского зодчества.

Село Крайниково.

Михайловская церковь.

1668 г.

Не успели мы проехать последний дом села Сокирницы, как уже въезжаем в следующее село, Крайниково. Это характерно для плодородной Хустской котловины с ее бескрайними кукурузными полями и, яблоневыми садами. На фоне этих ухоженных полей и садов немалым укором человеку за его неразумную «борьбу» с природой воспринимаются голые, изъеденные эрозией склоны холмов Полонинского предгорья.

В селе Крайниково в окружении вековых деревьев стоит Михайловская церковь, построенная в 1668 году. Громадные дубовые колоды сруба, маленькое крыльцо у бабинца сообщают зданию весьма суровый вид. Здание мезонине протяженно по продольной оси, чем другие постройки. Такая композиция основных масс придает крайниковскому готическому деревянному храму особую монолитность. Поэтому впоследствии он стал своеобразным эталоном для мастеров, строивших церкви в селах севернее Крайникова — в Данилове и Александровке.

*Село Данилово.
Николаевская церковь.
1779 г.
Гравюра И. Ржержихи*

В крайниковском храме народный мастер большое внимание уделяет оформлению входа. Дверной косяк церкви украшен, как солидный портал, пышной резьбой, в центре которой — древнейшее символическое изображение солнца.

Постройке Николаевской церкви в Данилове (1779) строитель придал особую торжественность и величие. Даниловская церковь, природным пьедесталом для которой послужил высокий конусообразный холм, является воплощением динамики, порыва ввысь. Потому и нет среди деревянных храмов Закарпатья другого такого сооружения, которое бы имело более утонченные пропорции и более выразительный рисунок динамического силуэта.

Особое впечатление производит эта постройка с северо-востока. Сначала она прячется за холмом, но вот вы поднялись немного выше, и в синеву небосвода вонзается стройный шпиль башни. Тут исчезает все — кусты, деревья, склон холма, ваш взгляд прикован только к конусу,

*Село Александровка.
Церковь Параскевы.
XVII в.*

рвущемуся ввысь. И вдруг возникает такое чувство, будто смотрите вы в огромный колодезь, светлое окно которого где-то далеко в глубине резко разрывает стремительная линия шпиля. А кругом раскинулись пологие, сонные, как бы застывшие в дремоте летнего зноя холмы карпатского предгорья. Этот резкий контраст покоя природы и геометрической строгости храма не разъединяет их, а только подчеркивает цельность и единство раскрывающейся перед нами картины.

Совершенно иного строя храмовая постройка в соседнем селе Александровке. Сюда мы попадаем по проселочной дороге, огибающей холм, на котором возвышается даниловская Николаевская церковь.

Церковь Параскевы в селе Александровке, построенная в XVII веке, расположена на невысоком холме. Строитель этого храма создал прекрасное сооружение, в котором удачно найдены гармония и равновесие горизонтальных объемов с вертикалью башни. Потому эта

*Село Колодное.
Николаевская церковь.
XVI—XVII вв.*

постройка сродни окружающим ее невысоким холмам, по склонам которых разбежались отарой без пастуха небольшие вечнозеленые рощи. В отличие от церкви в Крайникове, с ее закрытым крыльцом, с окнами, похожими на бойницы, мастер церкви Параскевы в Александровке крыльцо делает открытым, на высоких резных столбах с подкосами, образующими арочки.

Интерьер храма, бабинцев, неф и алтарная часть покрыты росписями, выполненными в 1799 году «Стефаном маляром Тербельским». Алтарную часть от нефа отделяет уникальный по композиции иконостас. Он четырехъярусный. Такое членение зрительно увеличивает высоту нефа.

Из Александровки мы идем дальше на восток по той же каменистой дороге, петляющей меж холмов. Затем нужно преодолеть небольшой перевал, и мы попадаем в долину речки Тербли. В трех километрах отсюда, на левом берегу речки, расположено село Колодное. В этом селе на невысоком холме, над ручейком, стоит одно из

*Село Середнее Водянсе.
Николаевская церковь.
Верхняя. XVII в.*

древнейших храмовых деревянных сооружений в Закарпатье — Николаевская церковь. Основной сруб ее — в алтарной части до свода, а в нефе и бабинце до опасанья — относится к XVI веку. Завершение башни перестроено в XVII веке.

Николаевская церковь в Колодном небольшая, но ее силуэт чрезвычайно монументален. Это достигнуто пропорциями масс, их членением. Над бабинцем вздымается высокая башня-колокольня с приятного профиля ренессансным завершением над открытой аркадой. В дубовом срубе абсиды сохранились первоначальные оконца круглой и крестообразной формы, похожие на бойницы. Западный фасад храма после перестройки в XVII веке приобрел живописный вид благодаря крыльцу с резными столбиками и галереей над бабинцем.

Интерьер Николаевской церкви также прост. Все в нем соразмерно и целесообразно. Стены и свод нефа и алтарной части расписаны, наиболее древняя живопись

*Село Середнее Водяное.
Николаевская церковь.
Нижняя. XVII в.*

(XVII в.) в алтарной части. Декоративное богатство храма дополняют резьба и живопись иконостаса, обновлявшегося в 1737 году, о чем свидетельствует надпись на царских вратах: «Поновление сих дверей року божия 1737, мисаця новерия Илия Маляр Хуски». Росписи в нефе выполнены позже, в конце XVIII века. Их сделал «почетный гражданин Антони Вали».

От Колодного мы спускаемся к шоссе Хуст—Рахов по долине речки Терембли. В селе Дулово, что напротив Колодного, на правом берегу Терембли, также был готический деревянный храм, но в 20-х годах его заменил каменный в псевдорусском стиле. Рядом с ним сохранилась от старого храма деревянная колокольня и стройные входные ворота. Резные столбики поддерживают барочных форм крышу с фонариком.

На всем пути вдоль Терембли нас сопровождают причудливые очертания гор. Полосы утреннего тумана четко разграничивают ступеньками возвышающиеся остроко-

нечные горные хребты. Они напоминают то бугристые спины лежащих доисторических животных, то вдруг взмывают в небо конусами сопок. Немного фантазии — и мы переносимся через миллионную толщу лет во мрак доисторических времен, когда эта долина kloкотала и бурлила вулканами. Смятые, сдавленные, как лист бумаги, пласты песчаника и известняка образовали современные хребты долины речки Терембли. Грунтовые воды вымыли в их недрах громадные полости — пещеры, в которых окаменевшим дождем свисают сталактиты. Наиболее известные из них у села Колодного, а также в окрестностях Великой Угольки.

В 25 километрах от слияния Терембли с Тисой мы попадаем в долину речки Апшицы. Здесь расположено несколько сел, основание которых связано с «валашской колонизацией» XIV—XV веков. В этот период через Мараморш прошло несколько волн пастушеской колонизации, захватившей всю территорию Карпат и достигшей северной Моравии, где до сих пор сохранилось название «Моравская Валахия». В ней приняли участие не только выходцы из Валахии, но и значительная часть украинского населения Карпат, родственного им по занятию.

Село Середнее Водяное, в котором мы останавливаемся, было основано на «валашском праве» выходцами из Валахии. Население здесь и сейчас говорит на румынском языке. В селе возвышаются два холма, увенчанных темными силуэтами деревянных храмов с высокими, оригинального завершения башнями. Оба храма одинаковы по типу и посвящены одному и тому же святому — Николаю. Одна церковь называется Николай Верхний, а другая Николай Нижний. По всей вероятности, они построены одной артелью в середине XVII века, но во вторую постройку, храм Николая Нижнего, мастера внесли некоторые изменения.

Храмы в Середнем Водянном сохранили много черт суровой архитектуры XIII—XV веков оборонительного типа. В них нет никаких украшений на срубе и на косяках дверей. Оконца маленькие и, скорее, похожи на бойницы. Над бабинцем вздымается высокая башня с открытой галереей и пирамидальным завершением. Широкое опасание создает глубокую тень и как бы прижимает вниз основной сруб, потому крыша крутой формы кажется еще выше. Все это придает храмам в Середнем Водянном еще мужественный вид, который роднит их с оборонительным романским зодчеством. Их силуэты на фоне окружающего пейзажа, невысоких холмов, покрытых ле-

сом, кажутся вытесанными из серого карпатского гранита.

Нельзя не обратить внимание на оригинальные жилые постройки в селах долины Апшицы. Они донесли до наших дней черты валашского зодчества — высокие остроконечные крыши домов с широким выносом с двух сторон, образующим галерею на резных столбах. Двор окружен высокой деревянной оградой с резной крытой калиткой и крытыми воротами в виде арки. Эти деревянные постройки резко контрастируют с современными двухэтажными каменными коттеджами, которые выросли за последние годы в древних валашских селах.

5. Закарпатская Гуцульщина

Горы, горы!
С гор золотом — река!
Где гонят плотогоны
плоты и облака.
Горы, горы —
бескрылые орлы!
Дворы по склонам,
как лебеди белые!

Витезслав Незвал

Преодолев крутой лесистый перевал, мы спускаемся к шоссе Хуст—Рахов. Шоссе петляет, извивается, продираясь сквозь узкое, темное ущелье. С северной стороны над ним нависли высокие горы, покрытые дремучим лесом, а с южной — бурлит, клокочет Тиса.

Над горами синее небо чисто и бездонно, раскаленное солнце стоит прямо в зените, а в ущелье полумрак и прохлада; солнце не в силах пробить густую зелень деревьев. За Тисой, на том берегу, пытит маленький зеленый паровозик. Он время от времени выпускает клубы дыма и дает короткие, резкие гудки, и тогда над ущельем долго плывет эхо и теряется где-то в глубине лесов.

Здесь начинается Закарпатская Гуцульщина. Как ни где в другом месте Закарпатья, богато ее народное искусство. Оригинальное народное зодчество, неповторимая гуцульская резьба по дереву, яркая, красочная вышивка — все это создано руками гуцулов, расселившихся в долинах Черной и Белой Тисы, на склонах горного массива Свидовца, в Черных горах, где «только дьявол мог поднять так землю и создать эти вершины», как говорит в народном предании. Оригинальна и ярка одежда гуцулов. «Какое блаженство навевает естественность ярких костюмов людей этого края!» — восторженно писал чешский писатель С.-К. Нейман. Главное щегольство гуцула в широчайшем кожаном ремне, «чересе», на несколько пряжек, и в очень декоративной короткой безрукавке — «кожушке». Обычно пояс темно-красного цвета украшен тиснением и металлическими вставками.

Гуцульский «кожушок».
Ясиня

Деревянный резной
гуцульский крест. Ясиня.
1780 г.

За него засовываются нож, трубка, кисет. «Черес» предохраняет живот и грудь при работе в лесу и в особенности при сплаве плотов. «Кожушок» выделяется из овечьей кожи лучшего качества, он украшен разноцветной вышивкой, хитро разубран цветными кожаными ремешками, петлями из позументов, металлическими подрывленными кружочками. Его носят даже летом как мужчины, так и женщины, когда хотят принарядиться.

Женщины щеголяют платками и сорочками с большими прямоугольниками вышивок. Девичьи наряды пестрят пятнами полихромных вышивок. Особенно прелестны плетенные из бисера узкие нашейнички. Не отстают от них и мужчины в своих вышитых рубашках.

Гуцульщина выделяется своим искусством резьбы по дереву, которое процветает здесь с давних пор. Почти каждый гуцул художник, в дерево же как материал для своего творчества он прямо влюблен. Прекрасно дерево на Гуцульщине! Могучий, долговечный дуб, раскидистый

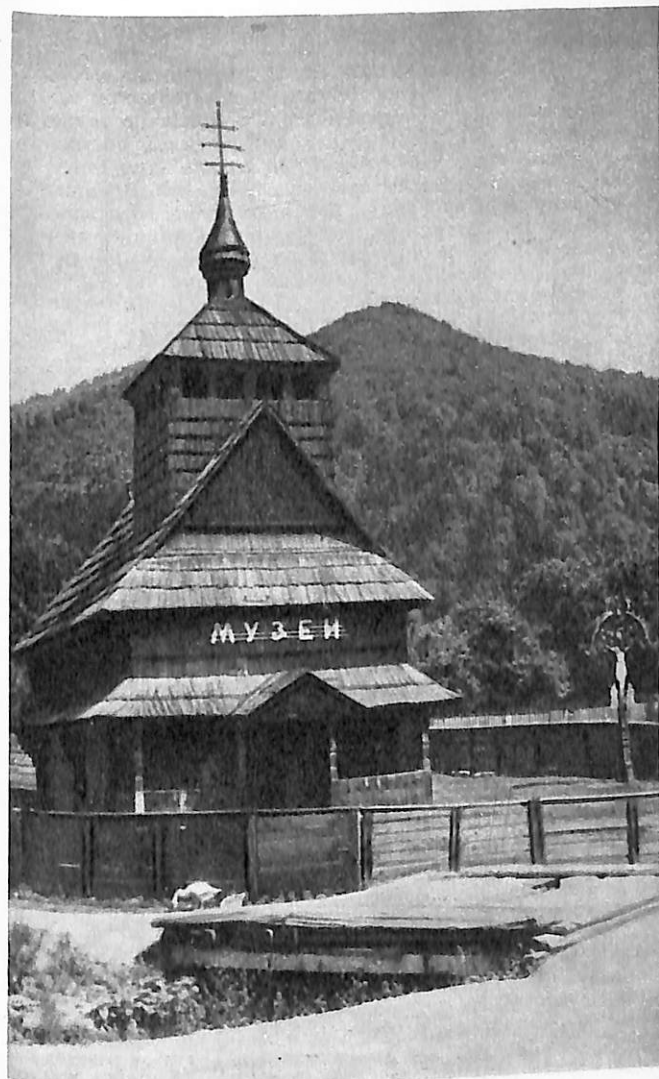

*Гуцульское народное
деревянное изделие*

*Село Диловое. Успенская
церковь. 1750 г.*

вяз, бук, граб, стройный ясень и явор, с ровной, непористой и твердой плотью, принимающей со временем темный оттенок. А выше, в горах, под полонинами и хвойные деревья: гордые ели, вечнозеленые сосны, мачтовая пихта, реликтовый тис...

Как только мы выходим из теснины, дорога резко сворачивает на северо-восток. Долина Тисы становится немного шире у села Дилового, в котором сохранилась деревянная Успенская церковь, построенная в 1750 году. Расположенная немного в стороне от шоссе, у небольшого ручья, церковь четко вырисовывается на фоне поросшей лесом горы. Она имеет трехсрубную основу с башней над бабинцем. Передний фасад храма довольно прост, здесь отсутствуют галереи, которые мы видели в церковных постройках Марамороша, фронтон его заострен, и из него вырастает низкая квадратная башня, покрытая пирамидальной шатровой крышей. Вертикальное направление в архитектуре церкви уже отсутствует, го-

раздо сильнее чувствуется влияние северогуцульских шатровых церквей.

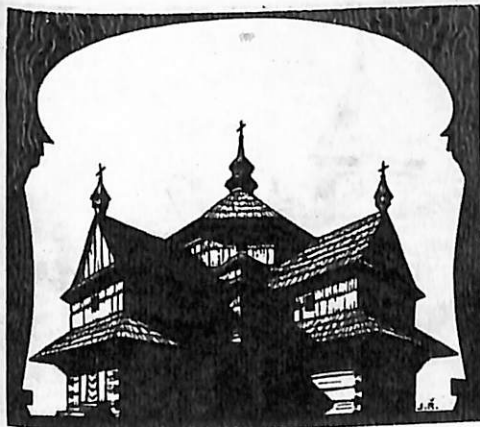
За Диловым дорога бежит вдоль Тисы мимо высоких гор, на склонах которых прилепились одинокие хаты гуцулов в окружении великанов елей. Невольно задаешь себе вопрос, и как только человек решил построить свое жилище на такой высоте, где только шум ветра в еловых ветках нарушает извечную тишину? Возможно, это вызвано тем, что гуцул большую часть года пребывает вне дома, на горных пастбищах, полонинах, зимой рубит лес и дом для него только место отдыха, куда он возвращается после очередной смены занятия.

Следующая наша остановка — в центре Закарпатской Гуцульщины, поселке Ясиня. Он растянулся на добрых 20 километров вдоль шоссе. При въезде в поселок, на одном из уступов горного хребта, резко обрывающегося у Тисы, стоит деревянная Струковская церковь, по преданию названная по имени гуцула, основавшего Ясиня и построившего на этом месте храм.

...Лет триста назад, когда не существовало еще Ясиня, вся эта долина была сплошным зеленым лугом, который регулярно орошали кристально чистые воды Черной Тисы. Не удивительно, что здесь решил еще некоторое время остаться с овцами гуцул Иван Струк, возвращавшийся из полонин домой, на галицкую сторону Карпат. Прекрасная долина, осеннее солнце задержали здесь Струка дольше, чем он предполагал. И только когда внезапный мороз своим дыханием опалил листву на деревьях и серебром инея покрыл луг, пастух со своими овцами пустился в дорогу, к перевалу. Но было уже поздно. Зима, которая в эти края приходит рано и внезапно, закрыла горы тяжелыми тучами. Холодный ветер стал кружить хлопья снега. Струк добрался до ясеневой рощи и, зарывшись в опавшие листья, решил переждать непогоду. Но громады снега оставались лежать на склонах гор, выюга укрыла плотным белым ковром всю долину. Струк понял, что овец ему не удастся провести через перевал, и решил оставить их на произвол судьбы, сколотив им временную кошару у стога сена, заготовленного кем-то с лета, а сам вернулся домой.

С наступлением весны Струк пустился в путь со своим сыном, обратив в ту долину, где оставил овец, надеясь найти хоть какие-нибудь остатки стада.

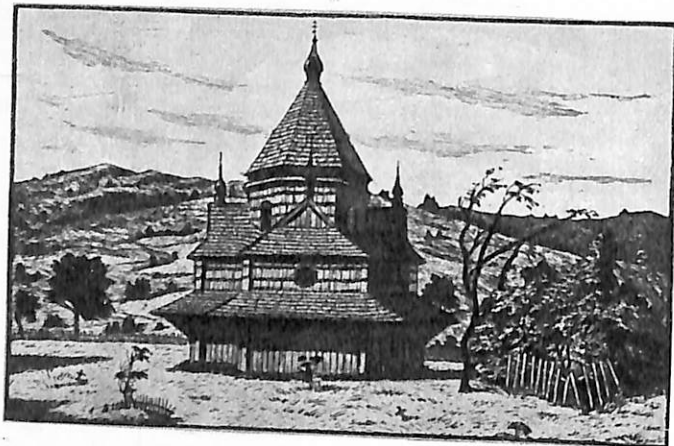
За перевалом исчезли тяжелые зимние тучи, солнце в полной весенней красоте глядело на пробуждающуюся природу. Еще один поворот — и перед глазами путни-

Ясиня.
Струковская церковь.
Гравюра И. Ржержихи

ков открылась широкая долина, на дне которой блестяла лента реки. И тут услышал Струк звуки, которые не могли обмануть старого пастуха. Блеянье овец! Бросив сани и поклажу, оба гуцула стремглаз побежали в том направлении, откуда неслись эти звуки. В ясеневой роще, в кошаре, срубленной Струком, его овцы мирно доедали стог сена. Струк ничем не мог объяснить спасение стада, как только чудом. В благодарность он решил построить на этом месте церковь, а в долине основал село и дал ему название Ясиня. Так говорит легенда об основании Ясиня и постройке Струковской церкви.

Существующий ныне храм относится к концу XVIII века. Он является одним из ценнейших памятников гуцульского деревянного зодчества. Творение народного мастера проникнуто сознанием торжественного покоя, величия и красоты. В Струковской церкви найдено удачное соотношение центрального купола и четырех прирубов с двускатными крышами. При взгляде на нее у нас

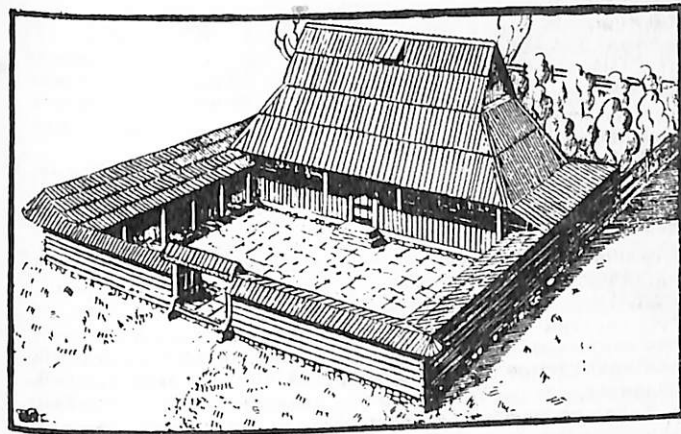

*Лазещина. Церковь
«на Плитоватом». XVIII в.
Гравюра И. Ржержики*

не возникает ощущения подчиненности боковых помещений центральной башне с восьмискатным куполом прекрасных форм. Боковые срубы здесь именно таких размеров, чтобы достойно поддерживать «престиж» центрального верха, как удачно заметил украинский искусствовед Г. Н. Логвин.

Следует указать еще на одну особенность постройки. Прирубы по ширине меньше центрального «квадрата», в результате извне он образует выступы. Эти углы придают особую пластичность постройке и обеспечивают плавность перехода от одного объема к другому. Все это, вместе взятое, придает Струковской церкви скульптурную выразительность, кажется, что она вырезана талантливым гуцульским резчиком из цельного куска дерева.

Интерьер храма отличается особым уютом и в то же время не лишен торжественности. В церкви сохранилось несколько икон XVII века. Они отличаются тонкой цветовой гармонией, чисто народным типажом.

*Гуцульская «гражда».
Рис. В. Сичинского.*

Рядом со Струковской церковью расположена стройная колокольня, объем которой решен в виде двух ярусов, восьмерик на четверике. В отличие от статичной композиции храма архитектурный образ колокольни вызывает впечатление постоянного движения ввысь. Эти две постройки хорошо дополняют друг друга.

Недалеко отсюда, по соседству в селе Лазещине, «на Плитоватом», находится еще одна деревянная церковь такого же типа, построенная в конце XVIII века. Но, несмотря на одинаковую архитектурную идею, крестообразную основу, между Струковской церковью и церковью «на Плитоватом» есть принципиальные различия. В фасаде здания усиливается вертикальное звучание. Над всей постройкой господствует стремительно вздымающийся центральный шатровой купол.

В окрестностях Ясиня до сих пор можно встретить много интересных комплексов жилых и хозяйственных построек гуцульского народного зодчества. Они вклю-

чают жилой дом с двором, хозяйственные постройки и другие подсобные помещения, окруженные своеобразным деревянным забором — стеной. «Гражда», как называют на Гуцульщине этот жилой комплекс, закрыта со всех сторон и не имеет ни одного наружного окна. Все окна выходят в закрытый двор.

Постройки в гражде, включая и стену-забор, срубовые, так что все вместе образует неразрывное конструктивное целое. В плане гражда образует прямоугольник. Вход в нее один. Через широкие ворота попадаешь во двор, выложенный каменными плитами. Жилой дом расположен на северной стороне двора, окна его с южной стороны. Остальные хозяйственные постройки размещаются на трех других сторонах двора. Некоторые гражды имеют два закрытых двора, из которых один чистый, парадный, так называемое подвирье, а другой чисто хозяйственный, задвирье, где расположены все хозяйственные постройки.

Такие постройки соответствовали характеру расселения гуцулов, которые ввиду пастушеской формы своего хозяйственного занятия поселялись на значительном расстоянии друг от друга. Потому гражда была своеобразной крепостью вольнолюбивых горцев, охранявшей обитателей от хищных зверей, снежных заносов и непрошенных гостей.

6. На Верховине

Сердце Верховины познаешь только на дорогах у Келечина и Репинного, у Торун и Майдана.

С. К. Нейман
Чехословацкое путешествие

За поселком Ясиня начинается самый трудный участок нашего пути. Дорога идет узкой долиной Черной Тисы, мимо водохранилища Апшинец, где накапливается вода, чтобы в момент сплава плотов по Тисе поднять ее уровень. На западе возвышаются вершины Свидовецкого горного массива, на востоке тянется гребень Водораздельного хребта. За Апшинецким водохранилищем нам необходимо преодолеть перевал, чтобы попасть в долину реки Брустурянки. С перевала открывается изумительная картина. Прямо перед нами в южном направлении вздымается гора Унгаряска, далеко на востоке, в туманной дымке, виднеется самая высокая вершина украинских Карпат — Говерла, дальше Петрос, Поп Иван. А внизу, как на ладони лежит Верховинский край, где все видно, как на карте, по которой невозможно заблудиться.

От Усть-Черной узкими долинами, сжатыми горами, где гулял последний опришко Карпат, что «у богатых брал и бедным давал», Никола Шугай, спускаемся в его родное село Колочаву. Оно растянулось на добрых полтора десятка километров вдоль речки Теребли. Село Колочава, писал с юмором Иван Ольбрахт, «такое длинное, что не удивительно, если неискушенный путник, шагая по долине, мимо хат... потом мимо лугов и огородов, потом опять мимо хат, начинает испытывать, в зависимости от своего характера, либо ярость, либо тупую покорность; ибо и через час, и через два, и через три прохожие снова и снова отвечают ему, что он в Колочаве, в Колочаве-Нагровце, в Колочаве-Горбе, в Колочаве-Лазях».

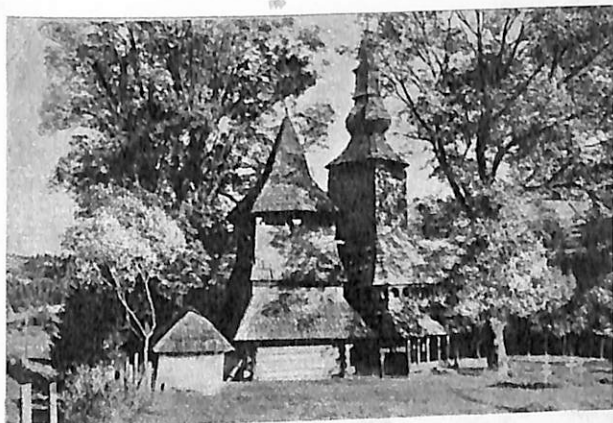

*Село Майдан.
Николаевская церковь.
XVIII в.*

В Колочаве-Горбе, недалеко от дороги, вырисовывается величественный силуэт стройной башни деревянной церкви с крыльцом на восьми столбах и галереей над бабинцем. Башня увенчана двухъярусным завершением барочных форм. Оно чрезвычайно развито и равняется по высоте почти половине башни.

В другой из названных Ольбрахтом частей Колочавы, Нэгровце, есть два деревянных храма: Верхний — Николая и Нижний — Михаила, оба XVIII века. Верхний сильно испорчен поздней перестройкой в стиле венского барокко.

Нижний сохранился в своем первоначальном виде. В постройке Михайловской церкви явно чувствуется опыт мастеров, создавших образцы готического деревянного зодчества Марамороща. Силуэт постройки как бы вырастает из высокого холма. Квадратная башня церкви увенчана острым шпилем, переход к которому облегчен при помощи невысокой четырехскатной пирамидальной

*Село Прислоп.
Николаевская церковь
и колокольня. XVIII в.*

крыши. Общий силуэт храма четко вырисовывается на фоне массива горы Нэгровец.

В этих местах Полонинский хребет разрезан узкими долинами Теребли и Рики; переходя из одной долины в другую, нужно преодолеть очередной перевал на нашем пути у села Синевир. Чудный вид открывается с перевала ранним утром! Глубоко под нами колыхается море белого тумана, над ним возвышается лазурная синева небосвода. Тут и там величаво вздымаются из белого океана вершины гор, озаряемые лучами восходящего солнца...

А внизу, в долине, в селе Майдан уже издали виднеется на уступе горы острый шпиль Николаевской церкви XVIII века. Стройность этого храма как бы подчеркивают окружающие его ели. Широкое опасанье на резных фигурных столбиках резко очерчивает нижнюю часть храма. Верхняя аркада, которая значительно меньше нижней, обогащает плоскость переднего фасада игрой све-

та и тени. Но наиболее ценной находкой зодчего в постройке храма в селе Майдан является гармония необычайно высокой крыши и небольшой башни, увенчанной стройным шпилем. В результате силуэт здания стал монолитным, с резко подчеркнутой вертикальной осью.

От Майдана мы идем дальше вверх по долине Рики. Наша цель — село Прислоп, что у самого Водораздельного Карпатского хребта. По дороге осмотрим церковь в селе Торунь. Здесь, на невысоком плато над речкой, стоит небольшой храм с башней, увенчанной двухъярусным верхом барочных форм. В храме есть иконостас с резьбой оригинального рисунка.

В селе Прислоп сохранился интересный ансамбль деревянных сооружений — Николаевская церковь и колокольня, построенные в XVIII веке. Николаевская церковь напоминает торуньскую, но она намного больше и стройнее, с тонким рисунком силуэта башни и изящными линиями завершения. С трех сторон храм окружен арка-

*Село Репинное.
Дмитровская церковь,
XVIII в.*

дой на высоких резных фигурных столбах. В уменьшенном размере они повторяются в аркаде обхода. Двухъярусная колокольня с широким навесом опасанья и аркадой во втором ярусе, где размещены колокола, покрыта восьмикатной шатровой крышей. Формы колокольни намного древнее форм самого храма и резко контрастируют с ним.

Интерьер нефа Николаевской церкви в Прислопе напоминает музей. Здесь кроме основного иконостаса есть иконы еще одного разобранного когда-то иконостаса, по всей вероятности, из старой церкви, они относятся к первой половине XVII века. Живопись их плоскостно декоративная, без светотеневой моделировки. Контуры фигур, складки одежды обведены черной линией. Основной иконостас расписан в 1759 году. В нем нашли дальнейшее развитие живописные принципы предшествующих памятников. В изображениях появляется светотеневая моделировка, но нет характерной для эпохи барокко экзальта-

ции и движения. Наряду с профессиональными художниками здесь видна рука народного живописца.

Из Прислопа мы возвращаемся на шоссе Межгорье — Воловец. Дорога тянется вдоль горных речушек, что прыгают по камням меж высоких горных хребтов с прилепившимися на их склонах деревянными домами, окруженными живым забором из длинных шестов, густо обвитых ползучей фасолью, из-за которой кое-где выглядывает золотой диск подсолнечника. Наверное, эти места и навеяли лирические строки писателю Дрозда: «Заговорил опять ручей, наполняющий шумом всю долину. Наступил вечер. Домик с золотым подсолнечником исчез. Четко виднелись только гребни гор, они казались еще выше, чем были на самом деле, углубляли дно, куда садилась тьма, поглощающая деревянные постройки, как будто хотела обосноваться в долине навсегда...»

В первом же селе за поворотом, в Репинном, мы вновь встречаемся с мараморошской деревянной готикой. Здесь

Село Изки. Икона богородицы XVI в. из Николаевской церкви. XVIII в.

находится деревянная Дмитровская церковь XVIII века. Она выглядит более массивной, чем церковь в селе Майдан. Широкая квадратная башня с низкой аркадой возвышается над бабинцем. Шпиль, довольно широкий в своей основе, посажен на восьмискатную крышу. Передний фасад облегчен только низкой аркадой обхода да крыльцом на резных столбах.

В десяти километрах от Репинного расположено село Изки. Деревянная Николаевская церковь XVIII века в этом селе напоминает торуньскую или прислопскую, зато колокольня возле нее исключительно оригинальна. Широкое опасанье вогнутыми линиями покрытия незаметно переходит в грани нижнего яруса, заканчивающегося подслеповатыми арочками. Над ним проходит широкий карниз, отделяющий верхний ярус, увенчанный квадратной пирамидальной крышей.

В храме сохранилась икона богородицы XVI века с проками в клеймах, которая по праву названа Г. Н. Лог-

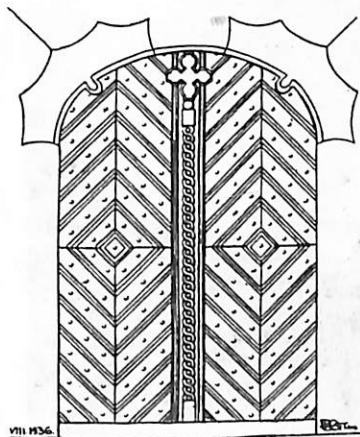

*Село Пилипец.
Рождественская церковь.
XVIII в.*

виным «Закарпатской мадонной». Художник, обладавший большим чувством декоративности, изобразил молодую мать с ребенком на руках, но не в строго фронтальной позе, а в три четверти. Одной рукой она держит ребенка, а в другой у нее ветка сирени. На общем монохромном серо-голубом фоне выделяется почти белое лицо Марии с большими черными глазами с расширенными зрачками. Их взгляд полон безграничной печали.

В «сердце Верховины», как назвал эти места С.-К. Нейман, мы опять подходим к Бойковщине, на этот раз у юго-восточных ее границ. Именно здесь проходит граница влияния мараморшской готики, бойковского зодчества, лемковских построек, сюда докатилась волна барокко. Потому в Репинном нас провожает шпиль деревянного готического храма, а уже через десять километров — полное господство барокко.

В селе Пилипец мы встречаемся с храмом Рождества XVIII века в стиле барокко. Этот стиль здесь проявляется

*Портал Рождественской
церкви в Пилипце*

не только в архитектурных формах, но и в устранении основной вертикальной оси. Меняется вид фасада, он становится массивнее, тяжелее, нет уже остроугольного фронтона, башня теряет свою легкость. Но при этом она органически соединяется с фасадом, галерея которого как бы поднимает ее.

У самого Карпатского Водораздельного хребта в селе Верхний Студеный сохранился прекрасный памятник бойковского зодчества — Николаевская церковь, построенная в 1804 году. Каждая деталь древнейших форм этого храма пропитана духом истинного народного творчества, сохранившего свои многовековые идеалы.

Николаевская церковь в Верхнем Студеном представляет собой трехверхую постройку, пирамидальные шатровые крыши которой над бабинцем и нефом раслаиваются на пять ярусов, а над алтарной частью — на четыре. Беспоконное впечатление, которое производит излишняя дробность ярусов крыш, скрадывается широким навесом

Село Канора. Церковь
Покрова. XVIII в.

опасанья. Галерея вокруг бабинца, построенная в ширину центрального сруба, со стройными столбиками, поддерживающими навес, делает здание еще более устойчивым и живописным.

Отсюда мы продолжаем наш путь по шоссе, петляющему меж высоких гор, среди которых доминирует на северо-востоке Великий Верх. Вершина эта «возвышается над всеми полонинами и Карпатскими горами и поэтому называется Великий Верх. Одним глазом она видит замок вместе с городом Мукачево, смотрит на берега Тисы и знаменем снегов возвещает зиму поселениям, рассеянным по направлению к Дебрецену и Токаю; другой же гордый глаз устремляет она на вершины Карпатских гор, любясь при этом королевством Галиции, иначе Польши», — писал местный патриот, неизвестный летописец Верховины XVII—XVIII веков из села Гукливого. У этого села, расположенного у подножия Великого Верха, где также сохранилась деревянная церковь XVIII

Охотничий замок конца
XIX в.
Санаторий «Карпаты»

века в стиле барокко, дорога ныряет под высоким железнодорожным виадуком и мчит вдоль вечно kloчущей в своем каменном ложе Вечи. В нескольких километрах от Гукливого мы останавливаемся в селе Канора.

Нельзя пройти мимо прекрасного памятника деревянного зодчества лемковского типа — церкви Покрова XVIII века. Она была перенесена сюда в 20-х годах из села Плоского. Формы ее намного тяжелее Шелестовской церкви в Мукачево, поскольку вогнутые линии опасанья переходят прямо в вертикальный объем башни-колокольни, увенчанной стройным, барочного профиля завершением. Но все же большое количество горизонтальных членений, соединенных с динамичной композицией трех верхов, делает этот лемковский храм самобытным и живописным.

Из Каноры мы уезжаем в направлении Свалявы по шоссе, которое все дальше уходит на запад, оставляя зеленый край — Верховину. Это один из древнейших пу-

тей, который ведет от «Великих Русских ворот», Верецкого перевала, в Дунайскую низменность. У Свалявы шоссе вырывается на широкую долину Латорицы. Здесь, в селе Быстрый, сохранился интересный деревянный храм XVIII века, по своему типу переходный от лемковского к так называемому готическому и барочному. На абсиде и нефе сохраняются еще небольшие башенки, над бабинцем — сильно развитая башня-колокольня с галерей и двухъярусным, чистого рисунка барочным верхом.

На дорогах Свалявщины, как и везде в Закарпатье, нельзя не заметить того нового, что возникло за годы Советской власти. У села Поляна наше внимание привлекают прекрасные современные архитектурные ансамбли санаториев «Поляна», «Солнечное Закарпатье». Такие новые постройки становятся все чаще неизменным дополнением самых красивых уголков природы в Закарпатье.

Нас все еще с обеих сторон сопровождают горы. В нескольких километрах от Свалявы они вновь суживают долину Латорицы до нескольких сот метров. В этом месте расположен бывший охотничий замок графов Шенборнов (ныне санаторий «Карпаты»). Он построен в конце XIX века, когда дворянство пыталось возродить «старые, добрые традиции». В это время строились пышные романтические замки и дворцы. Одним из них и является замок Шенборна. Он хорошо вписывается в окружающий пейзаж прекрасного английского парка.

В трех километрах отсюда, в поселке Чинадиево, упоминание о котором встречается уже в источниках XIII века, сохранился еще один памятник средневековья, здание замкового типа XIV века. Мощные стены его с узкими подслеповатыми окнами-бойницами защищали некогда владельца крупного феодального владения — Мукачево-Чинадиевской доминии.

За нами остаются горы, а впереди раскрывается бескрайняя равнина с Мукачевским замком на одиноком холме. Круг нашего путешествия замкнулся. Многие памятники нам пришлось оставить в стороне, ибо нельзя включить в один маршрут все то художественное наследие, что сохранилось от прошлых веков даже на такой маленькой территории, как Закарпатье.

Наше путешествие окончилось. В памяти на какой-то миг проносится все виденное. Стоит закрыть глаза — и перед нами вновь всплывают громады замков, совершенные в своей простоте деревянные храмы Карпат; горы

сменяют уютные долины с вечно шумящими потоками и речками. И хочется вновь, как у В. Незвала:

И вслед посмотреть
коню, на котором везут молоко.
И вновь побледнеть
в тоске по былому, что так далеко.
И снова со склона
нарвать бутонов;
проститься без стона с вечерним звоном...

Мы покидаем этот край с надеждой, что вернемся сюда снова, а вместе с нами, с нашей книгой сюда придут многие, чтобы познакомиться с прекрасной природой и необычной культурой края у Карпатских гор.

- И. Грабарь. Деревянное церковное зодчество Прикарпатской Руси. — «История русского искусства», т. II, Архитектура, М. (1910—1915).
- М. Драган. Українські дерев'яні церкви, ч. I—II, Львів, 1937.
- М. Драган. Дерев'яні церкви Закарпаття. — «Життя і знання», № 6, Львів, 1932.
- В. Залозецький. Про романські и готицькі будівлі на території Підкарпатської Русі. — «Науковий збірник т-ства «Просвіта», Ужгород, 1923.
- В. Залозецький. Малярство Закарпатської України (XIV—XIX). — «Стара Україна», ч. VII—X, Львів, 1925.
- В. Залозецький. Горянська замкова каплиця. — Науковий збірник т-ства «Просвіта». Ужгород, 1924.
- И. Ионеску. Архитектура Трансильвании. — «Всеобщая история архитектуры», т. 4, Л.—М., 1966.
- Е. Д. Квятицкая. Архитектура Венгрии. — «Всеобщая история архитектуры», т. 4, Л.—М., 1966.
- Ф. Коковський. Пам'ятники старовини на Лемківщині. — «Життя і знання», № 7—8, Львів, 1933.
- Г. Н. Логвин. Архитектура Украины XIV — первой половины XVI ст. — «Всеобщая история архитектуры», т. 6, М., 1968.
- Г. Н. Логвин. Монументальний живопис XIV — першої половини XVII ст. — «Історія українського мистецтва», т. 2, Київ, 1967.
- Г. Н. Логвин. По Україні. Стародавні мистецькі пам'ятки, Київ, 1968.
- «Легенди Карпат», Ужгород, 1968.
- П. И. Макушенко, З. А. Петрова. Народная архитектура Закарпаття, Киев, 1956.
- Л. Міляева, Г. Логвин. Українське мистецтво XIV — першої половини XVI ст., Київ, 1963.
- В. Саханев. Древнейшие каменные церкви Карпатской Руси. — «Центральная Европа», № 5, Прага, 1932.
- В. Січинський. Українське дерев'яне будівництво і різьба, Львів, 1936.
- В. Січинський. Ротонди на Україні, Київ, 1929.
- В. Січинський. Бойківський тип дерев'яних церков на Карпатах. — «Наукові записки товариства ім. Т. Шевченка», т. CXLIV—CXLV, Львів, 1927.
- П. Сова. Архитектура Закарпаття, Ужгород, 1958.
- В. Шухевич. Гуцульщина, Львів, 1899.

- Д. Щербаківський. Дерев'яні церкви на Україні та їх типи. — «Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка», т. IXXIV, кн. VI, Львів, 1906.
- Д. Щербаківський. Українські дерев'яні церкви, Київ, «Сійво», 1913.
- П. Г. Юрченко. Дерев'яна архітектура України, Київ, 1970.

ИВАН ИВАНОВИЧ ПОП,
ДМИТРИИ ИВАНОВИЧ ПОП

В ГОРАХ И ДОЛИНАХ ЗАКАРПАТЬЯ

Редактор
И. А. КУРАТОВА

Оформление серии художника
Ю. К. КУРБАТОВА

Рисунки к карте художника
Ю. И. РАПОПОРТА

Художественный редактор
Е. Е. СМИРНОВ

Технический редактор
А. Н. ХАНИНА

Корректоры
Н. Я. КОРНЕЕВА,
С. И. ХАЙКИНА

Сдано в набор 2/II-71. Подп. к печати
13/VII-71. А10844. Формат бумаги
70×901/32. Бумага тифдручная. Усл.
печ. л. 4,973. Уч. издат. л. 6,053. Тираж
75 000 экз. Изд. № 942. Издательство
«Искусство», Москва, К-51. Цветной
бульвар, 25. Заказ № 117. Ордена Тру-
дового Красного Знамени Калинин-
ский полиграфический комбинат
Главполиграфпрома Комитета по пе-
чати при Совете Министров СССР.
г. Калинин, пр. Ленина, 5.
Цена 37 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ В СЕРИИ

«ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ»:

А. ТИЦ. «НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕГО ГАЛИЧА».

М. ЗВАНЦЕВ. «ЗАВОЛЖЬЕ».

В. ГНЕДОВСКИЙ, Э. ДОБРОВОЛЬСКАЯ.

«ДОРОГАМИ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ».

В. КОСТОЧКИН. «СТАРЫМ СМОЛЕНСКИМ ТРАКТОМ».

А. ГАЛАШЕВИЧ. «ТОРОПЕЦ И ОКРЕСТНОСТИ».

М. ЦАПЕНКО. «ЗЕМЛЯ БРЯНСКАЯ».

А. ЧЕКАЛОВ. «ПО РЕКЕ КОКШЕНЬГЕ».